

Наташа Королева

Мужской стриптиз

Наташа Королева
Мужской стриптиз

«АСТ»

2009

Королева Н.

Мужской стриптиз / Н. Королева — «АСТ», 2009

Их первая встреча состоялась задолго до знакомства. И целых пятнадцать лет они шли навстречу друг другу. Она – собирая аншлаги. Он – став лучшим стриптизером и сделав первое в стране мужское стрип-шоу. Она – с мужем-продюсером, для которого была лишь успешным «проектом». Он – после неудачной женитьбы, с чередой случайных и нелюбимых «подруг». Их вторая встреча произойдет, когда их жизни летят под откос, – но любовь не выбирает время. Они верят – впереди счастье и... новое шоу! Их шоу!

© Королева Н., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Глава 1 ЧТО ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА?	5
Глава 2 ОДНА	8
Глава 3 АКАДЕМИК	11
Глава 4 ШАПИТО	16
Глава 5 ПРЕСТУПНИК	20
Глава 6 ДЕВОЧКА НА ШАРЕ	23
Глава 7 ЖЕНИХ	26
Глава 8 СУДЬБА	29
Глава 9 «АДИДАС»	33
Глава 10 МЕЛАНЖ-АРТ	37
Глава 11 МАРМЕЛАД ВАГОНАМИ	40
Глава 12 ПРОДЮСЕР	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Наташа Королева

Мужской стриптиз

Глава 1 ЧТО ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА?

Что нужно женщинам?

Музыка бьет его снизу. Не в уши, не в барабанные перепонки, ведь к внешнему шуму легко привыкнуть. Утром он засыпает с музыкой и к ночи просыпается с ней в обнимку.

Музыка бьет его снизу, в пятки, в напряженные икры, в кончики пальцев. Светляки кружат, темный зал выдыхает в лицо жаром, дымом дорогих сигарет и ожиданием...

Что нужно женщине?

Например, вон той, с огненными, застывшими глазами? Ее зрачки пляшут, повинуюсь игре его мышц. Иногда это так здорово – поймать чьи-то глаза и не отпускать. Благодарные восторженные глаза ведут тебя и несут, они не просто поднимают тонус, благодаря им раскрываются крылья за спиной.

...Если мужчина раздевается в танце, то это тоже должно быть по-мужски...

В такие минуты он иногда ощущает себя коброй. Мы зря полагаем, что кобра слышит флейту и барабан факира. Змея равнодушна к звукам, ее заводит музыка земли, ее заводят ритмичные удары почвы. Змея вздрагивает и начинает раскачиваться. Ее гибкое тело – сплошной мускул, ее блестящая кожа поддается каждому удару барабана. Кобра танцует не потому, что ей нравится угождать факиру...

Его заводит музыка, она лупит его снизу, в голые ступни, она втекает вверх по артериям, навстречу току крови.

Или вон та, высокая брюнетка, пышная, слишком ярко накрашенная для нашего искусственного света?

Она закусывает губу, сигарета в лакированных ее пальцах трепещет, в широком бокале искрится лед. Он перехватывает ее желание, перед тем как начать расстегивать пуговицы на рубашке. Брюнетка не отводит глаз, она смеется. Рядом с этой холеной красоткой – подружки, они хохочут, целуются со своим мартини. Брюнетка облизывает его взглядом, это похоже на прикосновение длинного горячего языка.

Но она не видит его, она видит кобру...

Тягучий ритм нарастает, но спешить некуда. Он даже немного отстает, чтобы масло на спине и животе не заблестело слишком рано...

Что нужно женщинам?

...Мужчина должен раздеваться так, как раздевался бы, чтобы заняться любовью с женщиной...

Статистика дорожных аварий утверждает, что чаще всего бьются не новички и не ветераны. Чаще всего бьются те, кто возомнил себя асом. Они ездят уже лет пять и потихоньку, незаметно, теряют бдительность. Это очень опасно – незаметно потерять бдительность и слишком уверовать в свои силы. Скользкая дорога, слишком скользкая, коварные огни встречных, которым так же, как и тебе, нужна полоса. Рев и напористые толчки. Это толкаются те, кто торопится обогнать. Толкаться глупо, но его место принадлежит только ему одному! Впереди должно быть свободно. Потому что он намерен расти. Он слишком долго был взаперти.

Он вспоминает и прокручивает эти слова всякий раз, перед тем как выйти на сцену. Так сказала одна очень умная дама, с которой у него не было ничего.

Этим вечером его не покидает странное ощущение. Как будто... нет, это даже не предчувствие. Словно позабыл какую-то важную запись в ежедневнике. Записал давно, трижды

подчеркнул, но не может вспомнить. Словно должен был кого-то встретить на вокзале, но вот кого?...

Рубаха расстегнута, вот теперь уже можно догнать ритм. Он знает, что будет, когда он в первый раз упадет на колени и сорвет с себя верх. Он ждет этот полувздох, несмелый пока визг, неровные короткие аплодисменты. Их реакция предсказуема, и потому его мысли пока не подчиняются музыке. Сегодня он – ласковый дракон, недоступный эльф, потерявший свою половинку. Он разводит и резко сводит колени, дамам это нравится. Они обожают смотреть на влажную тонкую ткань, облепившую бедра...

Что нужно женщине?

Найти свою половину? Наверное... но ведь у многих есть половины, четвертины и так далее...

Вот эти, трое, очень крутые, почти у самой сцены. Блондинка с короткой стрижкой, в кожаном топе, солидная, набита деньгами и спесью. Ей чертовски одиноко, ей дьявольски одиноко, но здесь она ни за что не признается. Она скорее вскроет себе вены, чем признается, что живет в обнимку с пустотой. Однажды он был с ней. Месяц назад? Или два месяца? Сложно сказать, музыка сглаживает время. Его время превращается в ленивого питона, а иногда – осыпается горящим серпантинном. Этой блонде нужен дракон, но послушный. Ее тянет обуздать самого красивого эльфа, хотя эльфы задыхаются и гибнут в неволе.

Когда ехали к ней, блондинка хотела секса. Потом передумала, и он был даже рад. Вдвоем встречали рассвет напротив окна в ее пентхаусе. Окно от потолка до пола, стеклянный столик с дорогущим коньяком, пепельное солнце над Воробьевыми горами. Солнце зябко ежилось в заводских выхлопах. Хозяйка пентхауса курила, стряхивала пепел на золотой поднос, который держал на руках негритенок из редкого черного дерева. Она курила и с кривой усмешкой рассказывала о мясе.

У нее очень много мяса. Несколько вагонов – ежедневно. Они разбегаются, эти вагоны-морозильники, из порта в разные города, чтобы там накормить тысячи голодных сограждан. Блондинка смеялась, трогала его кончиками пальцев и говорила, что балдеет от его сосков. Она говорила, что с ума сходит, когда парень вот так умеет шевелить грудью. А он себя вдруг почувствовал куском замороженной туши из ее вагонов.

– Ты можешь остаться дня на четыре? – спросила она. – Я все оплачу, переживут без тебя в клубе. Махнем вместе на юг. Ненадолго.

– Ты меня задушишь, – сказал он.

Она долго глядела на солнце. Потом зазвонил один из ее сотовых. Затем, почти сразу, второй. Пришло утро, наступала пора торговать мясом...

Что же нужно женщине?

Зал выдыхает, точнее те ближние столики, которым очень хотелось оказаться ближе. Ближе – это в невесомом облаке его пота и парфюма, в облаке того, что заставляет трепетать их ноздри. Он наклоняется над шнуровкой ботинок, по миллиметру спуская брюки ниже талии, именно так, чтобы они взвыли сзади...

Они жаждут верного послушного дракона? Нет, это обман, им нужно нечто параллельное их успешной сытой жизни. Им нужен полет, драйв, блеск масла на мужских ягодицах, им хочется орать и дурачиться, забывая...

Стоп. Вот оно.

Забывая. Когда ты отбрасываешь все предрассудки, все страхи, все комплексы юности, ты приходишь к главному. Ты раздеваешься, чтобы они могли забыть. Ты выгибаешься хищным леопардом, ловишь их глаза. Те, кто сейчас с ним, они уже забыли про свои вагоны мяса...

Он ловит очередные глаза и не отпускает. Эта молодая, как набухшая почка, но неуловимый флер бешеных денег от нее уже не отлепишь. Хорошенькая, пушистая, она из тех, кого

плотно посадили на цепь. Он падает на колени для нее, для нее предельно разводит бедра в стороны и трогает себя...

Ее испуганные глазки валяются навстречу, словно соскакивают с привязи. Ее уставшие от денег глазки ежедневно видят пивную мозоль благоверного, его благородные седины и борзых мальчигов из охраны. Наверняка муж убьет ее, если узнает.

Он прогибается только для нее, крепче притягивая поводок. Девочке хочется вдохнуть, а вдохнуть страшно. Так хочется вдохнуть свободу, от которой сама же и отказалась...

Сто тысяч лет назад, на другой планете, он был военным. Он вставал и ложился, зашнурованный, стянутый ремнями, шнурками и галстуками. Сто тысяч лет назад он приобрел гантели и махал ими до посинения. Его крайне заботило состояние бицепсов. Но девушка, которой он доверял, сказала...

– Меня заводит все, что ниже... все, что в зоне тридцати сантиметров от... ну, ты понял... это круто, когда вот такие ямочки на попе...

То есть бицепсы – тоже.

Но гораздо вкуснее то, что держит мужчину прямо. Они это получают... вот сейчас...

Ритм выбивает искры. Тема, тягучая, как расплавленный шоколад, застывает, не успев вскипеть. Зал вздыхает вместе с ним. Они почти все принадлежат ему, потому что он заставил их... забыть. Эльф уносит их в страну, где не надо стесняться желаний. Дракон держит их за бедра, дракон срывает их одежду, не прикасаясь к ним.

Зато к нему прикасаются все смелее. Ямочки на попе... да, это здорово. Он позволяет высокой, краснойгубой расстегнуть пуговицы на джинсах. Ее подружки катаются от смеха, они все смеются, все улетели в страну свободных эльфов...

Вот эти двое, с парнем. Девица сидит нога на ногу. Он падает перед ними на левое колено, наклоняется, приоткрыв рот, словно для поцелуя. Хватает ее взгляд и уже не отпускает. Проводит нижней губой по ее голой смуглой лодыжке, проводит, не прикасаясь, в трех сантиметрах от кожи. Вдыхает ее запах, женщина не отстраняется, вокруг визжат уже по-настоящему...

Что-то заставляет его обернуться. Сквозь потоки света, сквозь лиловые, лимонные, фиолетовые лучи, сквозь мерцание шара что-то долетает...

Ничего ОСОБЕННОГО.

Так ему кажется в первую секунду. Это особенная секунда, там-тамы вгрызаются в подошвы. Он ведет наступление расслабленной походкой гепарда, одетый в шкуру, одетый в дым, одетый только в их полупьяную похоть.

...Если танцор претендует на женское внимание, если он не гей и не транс, его поведение должно цеплять именно женщин...

Он встречает глаза.

Но не так, как глаза предыдущих, за соседними столиками.

Музыка кружит его, но что-то изменилось...

Ему вдруг становится сухо.

Это ОНА.

Глава 2 ОДНА

За что люди любят цирк?

У меня есть право ненавидеть его с детства. Его рампу, его туш, его запах, его бесконечный драйв. Цирк имеют право ненавидеть те, кто слишком глубоко в нем утонул.

Я зябло кутаюсь в халат у панорамного окна. С двадцатого этажа одного из лучших отелей Вегас кажется бурлящим морем огней. Где-то внизу, за «линией прибора», сияет крыша лучшего казино «Мираж». Там все и произошло.

Там – сказочная страна «Цирка Дю Солей», владения всемогущего канадского божества Ги Лалиберте. И где-то там Марк, его сияющий «мерс» уже ползет в пробке обратно. Репортеры, агенты и менеджеры наверняка навалились на него, как хищные муравьи на жирную гусеницу.

Им нужна я.

После того что случилось сегодня на сцене сказочной страны, Марк примет на себя главный удар. Ему не привыкать, импрессарио галактического уровня должен хорошо держать удар. Прежде мне стало бы жаль его, но не теперь. У меня нет сомнений, что мальчишка-акробат, пара клоунов из Нижнего, и любой из подписавших контракт, и я...

Мы все для него лишь проекты. Более прибыльные или менее. Каждого из нас родили не папа с мамой, а всемогущий продюсер Марк. Мы – плоды рук его и таланта его. Мы – никто до встречи с ним, до озарения, до благодати. Он разыскал нас там, где раньше был Советский Союз, и продал нас могущественному шапиту «Дю Солей».

Он умеет любить, яростно и честно. Но случается и так, что человек любит вещь. Нумизматы обожают свои монетки, какие-то джигиты спать не могут без кинжалов, а где-то я читала, что моряки плачут и сохнут по своему затонувшему кораблю.

Марк умеет любить.

Ведь я его лучший проект.

Сегодня, как и много раз до того, я стояла под самым куполом, вдыхая обращенный ко мне страх и восторг. Внизу колыхалась нервная темнота, сотни глаз шарили по мне, сотни вспотевших сердец колотились часто...

Мне оставалось лишь разжать руки. И полететь им навстречу. Но что-то случилось за те четыре секунды отсчета.

Я имею право ненавидеть и любить свою работу, но не Марк. Он любил меня тысячу лет назад, но не эти голубые шатры, шатры лучшего цирка на планете... А может, он любил себя во мне, захлебывался в фонтане энергии, который я сумела в нем открыть?...

Теперь, спустя час, я жду его в номере лучшего отеля. После того, что произошло в казино. Он скоро явится. Наверняка менеджера проекта уже известили, а может быть, известили всемогущего Ги, хозяина цирка. Достаточно серьезный инцидент, угроза репутации. А потерять репутацию – разве можно представить что-то страшнее, ха-ха?

Меня трясет. Если бы я умела пить, напилась бы. Я знаю, что он скажет. Что я сегодня уничтожила все, что он строил десять лет...

Про цирковых детей говорят – «родилась в опилках». Мне не выпал счастливый жребий, не существовало той династии, которой следовало гордиться и продолжать. Существовали музыкальная мама, интеллигентный папа, три тетушки, две бабушки и пухленькая восторженная девочка, застывшая у ворот шапито.

Шапито приезжал в наш город трижды. Может и не три, а четыре, пять, шесть... Но в детской памяти остались зарубки от трех праздников. Девочка замирала, не дыша возле наспех сколоченной ограды, и готова была простоять там, на задворках провинциального украинского

городка, сутки. Электрики тянули провода, монтажники вывешивали свет, грузчики раскатывали гигантские полотнища крыши и соединяли стеллажи сидений, а девочка не смела шелокнуться.

Меня тянуло даже не столько на зрительские места, сколько на арену. Там происходило диковинное чудо. Там переворачивался мир. Там руки, тела, голоса волшебников ткали звездное покрывало. Обыденность исчезала, я переставала быть собой, я сама становилась звездой, искоркой этого чародейства...

За что зрители ненавидят цирк?

Здесь люди каждый вечер рискуют жизнью. Они играют на острие бритвы, доводят волю и сухожилия, выжимают из себя последний сок. Но это личное дело каждого. Гораздо хуже то, что они выжимают силы из бессловесных братьев.

Девушка выкормила тигренка. Он вырос у нее на руках. Во время гастролей в Одессе тигр перегрыз ей горло. У Дурова слон растоптал дрессировщика. Спустя пару лет медведь разорвал того, кто его кормил. А тот случай со львом, и целая семья? Кровь, повсюду кровь...

Гений и император «Цирк Дю Солей», великий Ги Ла-либерте, двадцать пять лет назад постановил, что не будет мучить ни одно животное. За одно это, не имея в виду творческий гений, человек достоин поклонения. Когда Марк рассказал мне об этом человеке подробно, я не могла поверить, что меня пригласят. Тогда, почти десять лет назад, я соглашалась на малое...

...Час назад у меня оставалось четыре секунды на все. На то, чтобы выдохнуть, вдохнуть, качнуться влево-вправо на моем сказочном «велосипеде» и, набирая космический разбег, рвануть туда... Навстречу общему вздоху, всплеску, стону восхищения, веселому ужасу.

Но я использовала отпущенные четыре секунды совсем иначе. Я застыла, ухватившись за тихо гудящие тросы. К счастью, прожектора еще не включили. Они не могли видеть мое лицо, искрящееся от блесков, излишне румяное, хищное лицо летающей пантеры. Неожиданно я осознала, что подо мной двадцать метров пустоты и убийственно твердый пол. Наверное, это не было страхом разбиться. Настоящий страх я преодолела лет в двенадцать, в Ялте, когда впервые прыгнула на том, самом первом, чудовищно нелепом «велосипеде».

Час назад я ощутила ужас, оттого что умру и не оставлю после себя ничего. Ничего, кроме маминых слез, обрывков шикарных афиш, блестящих костюмов, сотен фотографий, авиабилетов...

Мне – двадцать шесть, расцвет и сияние. Анастасия Арефьева, мега-звезда одного из семи шапито, принадлежащих канадскому «Цирку Солнца». Смешение стилей, отчаянный риск и хрупкая женственность. Эквилибр, силовая атлетика, гимнастика... и номер, который не может повторить никто. Мне двадцать шесть, ни семьи, ни уютного дома, ни детского смеха.

Если я сорвусь, если на мгновение мне изменит выдержка, если сморгнет или растеряется один из тех, кто страхует внизу, если залетит соринка в глаз, если лопнет лампа в прожекторе, если...

Спасибо тебе, дорогой Марк.

...спасибо тебе за то, что поднял меня и нес на руках эти годы...

...спасибо за то, что с тобой я научилась мечтать...

...спасибо, что угадал в восторженном утенке широкие сильные крылья. Спасибо, что влюбился. Ты одним взмахом вырвал меня из клещей провинциального забвения...

...спасибо за то, что долгое время я поистине была счастлива...

...спасибо тебе за то, что ты так умно и так доходчиво все объяснял – почему нам не надо иметь детей, почему это повредит моей карьере, почему нам будет лучше вдвоем, а не втроем...

...спасибо тебе за слезы, которые я тихо глотала, когда ты исчезал на неделю, хотя находился со мной в одном городе – в Сингапуре, Москве, Монреале, Лос-Анджелесе...

...спасибо за твою пробивную силу, твой цинизм и жесткость, твое брызжущее остроумие, которых так не хватало кругленькой робкой толстушке первые годы...

...спасибо, что ты приручил шестнадцатилетнюю девчонку. Приручил меня так, что даже когда мы уже спали под разными одеялами, я любовалась твоими сонными беззащитными чертами, вдыхала твой запах и была счастлива, что еще пару дней ты со мной, а не с кем-то...

...спасибо, что ты бился за каждый цент в моих контрактах, что ты избавлял меня от налоговых чудовищ, от лживой прессы, от армии шоу-обманщиков...

...спасибо за более чем скромные гонорары и проценты, которые ты мне благородно оставлял. За квартиру в Москве, которая могла бы стать нашей, но живут в ней только тени от проезжающих внизу машин...

...спасибо за то, что благодаря тебе я научилась ценить себя, научилась слышать людей, научилась закрывать глаза на ложь...

...спасибо тебе, что, несмотря ни на что, мы сохранили уважение друг к другу и теперь можем помогать, когда кому-то из нас нужна помощь...

...спасибо тебе, теперь я острее чувствую, что такое мой триумф. Это мимолетно и хрупко, как крылья бабочек, которых ты мне показывал в экзотическом Таиланде...

...спасибо за твой взгляд и твою улыбку, с которой ты ворвался в мою жизнь...

...спасибо тебе за то, что у нас не было ребенка...

Все это коснулось холодным крылом за четыре секунды. Родилось и окрепло четкое понимание, четкое, как заверченный кристалл. Если я сейчас и здесь разобьюсь, то никто не скажет – этот безумный трюк был так нужен миру! Возможно, мой удивительный велосипед выставят в каком-то особом цирковом музее и рядом повесят табличку – типа, на нем разбилась непревзойденная и единственная исполнительница, гордость монреальского цирка, такая молодая и яркая.

Но не гордость Украины и не гордость России. Там меня ждет в лучшем случае несколько коротких газетных заметок. Их разыщут, вырежут и, поливая слезами, будут сохранять мои тетушки. Родителям заметки обо мне не нужны. Они давно ждут назад счастливую девочку, которую в двенадцать лет посадили на первое уродливое колесо с педалями...

Час назад я сделала шаг назад. Впервые за десять лет я отступила. Если я погибну, никто не назовет меня мамой, никто не прижмется ко мне в страхе, никто не обнимет меня утром пухлыми ручонками.

Я сорвала ему программу. Я слышу, как Марк широкими шагами идет по коридору. Даже сейчас, даже теперь, наверняка зная, как мне хреново, он... работает. Работает на ходу.

– Да. Нет. Слушайте меня! Резюме, вашу кассету с выступлением, фото в плавках и крупный план... все вместе перешлите в мой нью-йоркский офис, ясно?

– Алло? Нет, не я. Вас встретит гардиан из вашего шоу. Мы вылетаем в четверг, билеты заказаны.

– Кто? Кто это?! Нет, силовиков не берем... Всех благ!

Щелчок замка.

– Настя, что ты натворила?!

Я смотрю на него и не могу трезво думать. Это тот самый человек, который десять лет назад кидался к моим ногам. Это тот самый человек, которого я позавчера обнаружила с девками из «Миража».

Если бы он спросил сейчас: «Настя, тебе плохо? Настя, хочешь, плюнем на все, и уедем, и плевать на контракт?...»

Но он спросил, что я «натворила». И я осталась одна.

Глава 3 АКАДЕМИК

Лейтенанту Сергею Кушко двадцать три года.

Не хочется жить. Сегодня ночью умер его ребенок.

День начался, как рваная лента кинохроники. Вьюга скулила, темно-серые тени метались над серыми сопками, мерзкий снег бил в лицо, заглушая визгливые звуки гимна. Боевой расчет наохлился, сутулыми воробьями солдаты разбежались по машинам. Лейтенант механически поворачивался, как автомат, подносил руку к фуражке, дублировал щелчки команд.

– Экипажу – занять места!

– Расчету – доложить о готовности...

А ведь совсем недавно казалось, что кубик собирается просто. Совсем недавно город Петра встречал его золотом и медью. Золотые шпили соборов втыкались в небо, медные трубы оркестра приветствовали стриженных абитуриентов. В названии учебного заведения, куда вела его судьба, грозно звенело слово «космос»...

Но не только слово обязывало стать «академиком». В далеком Архангельске результатов поступления ждал отец, полжизни не снимавший погон.

Отец дождался.

– Рраввняйсь!.. Ирррна!.. На середину!

И сердечко звонко колотилось в груди от дробного уханья тысяч сапог, и генеральские лампы перед замершим строем, и матери тянут шеи в задних рядах, и скрип портупей, и нежные платья подруг...

Как может не нравиться в Академии потомственному офицеру? Как может не нравиться здесь человеку, который с первых дней стал получать лучшие оценки по строевой и физподготовке!

Идеологические нестыковки возникали ежедневно, но не воспринимались всерьез. Зато от зубов отлетали тактические дисциплины, зато награждали на стрельбах и вручали вымпел за лучшие оценки по химзащите. Однокурсники списывали конспекты, ведь изящный почерк выработался еще в художественной школе, а замполит, ругая их компанию за очередные проделки, вздыхал: «Эх, Кушко, а ты-то, старательный курсант, армейская жилка, как затесался к разгильдяям?»...

А может быть, его мировоззрение и треснуло под напором общественной деятельности? Когда курсовой офицер предложил выбрать редколлегию, Сергей первый поднял руку.

– Здорово у вас получается, – похвалил курсовой, рассматривая обличительные рисунки. На одном рисунке нерадивые бойцы подло читали художественную литературу. На другом – нагло распевали неуставную песню.

К четвертому номеру боевого листка Сергей уловил всю выгоду от работы в редколлегии. Стало легко отлынивать от построений, уборки территории и даже чистки картошки. Еще легче стало выбить у курсового увольнительную в город. Увольнительными его не баловали. Несмотря на хорошие оценки и расположение начальства, он нарушал дисциплину не реже других.

– Что, нашел себе место за печкой? – старшина злобно косился на раскрашенные боевые листки. Он предпочел бы видеть курсанта Кушко с ломом или с лопатой, на фоне самого твердого и грязного сугроба.

– Я от службы не прячусь! – всерьез обиделся Сергей. – Если тебе нравится махать лопатой в снегопад, то это не служба.

– Будешь учить меня, где служба? – побагровел старшина. – Майору объяснишь, где ты был после отбоя!..

– Жалуйся на меня кому хочешь. Пошли вместе, спросим майора, что важнее для офицера – оценки по физике или лопата со снегом?!

Старшина только скрипнул зубами. Против отличных оценок по физике возразить было нечего...

Как-то раз, изображая очередную неряшливую тумбочку, Сергей увлекся и пририсовал к ней женские ноги. К ногам постепенно приложилось все остальное, в вызывающе раздетом виде. Получилась сексапильная мулатка, почти верхом на тумбочке дневального, в обнимку с АК-47. За раскрашиванием мулатки оформителя и застал начальник курса.

– Ого! Это ты изобразил? – облизнулся комбат, разглядывая доморощенное порно.

– Это так... случайно... больше не повторится.

– Отчего же «не повторится»? – хохотнул бравый подполковник. – Как раз-таки... нам таланты нужны. Тут у начальника учебной части юбилей намечается. Ты зайди ко мне после обеда, поговорим...

В результате курсант Кушко сам загнал себя в капкан. Он нарисовал игривую стенгазету к юбилею одного командира, затем – другого, третьего... В какой-то момент замполит факультета, «верный ленинец» и человек весьма серьезный, попросил пару рисунков в графике лично для себя. Благодаря тотальному отсутствию в тогдашнем Ленинграде эротической печатной продукции на короткое время Сергей стал монополистом в этой области. Естественно, денег он ни с кого не брал. Пока не случилась одна история.

Их передовую группу наградили поездкой в гости в женский техникум. Курсантов усадили на метро и вывезли в предместье.

У Кушко сразу сложилось впечатление, точно попал в эпицентр взрыва. Посреди города – три фишки из камня, бюст вождя, райком и магазин. А дальше, во все стороны – частный сектор, будто перекошенный ударной волной. Ни одного прямого угла.

– Бабулька, – спросили курсанты, – где у вас тут невесты?

– А ефто, – отвечала старая Яга, – как пофартит. Коли налево автобус пойдеть, дык к портникам попадешь. Коли направо – дык к ветеринарному... ежли не утопнете.

Сержанты задумались. Портники, оно, конечно, практичнее, одежду залатать, и вообще, польза в доме. С другой стороны, ветеринар – звучит почти как пульмонолог, веско и со вкусом...

Но автобус пошел прямо, и наши герои попали к телефонисткам.

– Ага, курсанты?! Будем играть в КВН, – отчеканила старшая телефонистка, сухая, как забытый тубик клея. – Потом, если кто захочет, в коридоре можно потанцевать.

– А компот? – опрометчиво пошутил курсант Кушко.

– Ладно, пожарть дадим, – помрачнела старшая. – Сколько вас наберется?

Капустник удался. Курсанты исполняли лирические куплеты. Барышни визжали от восторга. Устроили бал. Предстояло станцевать вальс. Опозорились колоссально.

– Лучше просто стой, – в отчаянии шептала Сереге его партнерша. – Покачивай плечами, куда не пытайся идти, я сама все сделаю...

Телефонистка подозрительно быстро пригласила танцевального партнера домой. Дома оказалась мама, похожая на молодую Крупскую, в бигуди и клетчатом халате.

– Наконец-то, – сказала мама, увидев погоны. – Наконец-то Светочка взялась за ум. Как мне надоели сборища этих гопников...

– Ну мама! – побледнела Света.

Закрылись в алькове, сели вдвоем пить чай. Сергей долго и убедительно говорил о Достоевском и Драйзере. Анализировал «Бесов». Светочка не сопротивлялась. Гость расстегнул ей три верхние пуговицы. Неожиданно появилась мама, с большим желтым будильником.

– Вас же там учат! – огорошила она. – Вот, три года как сломался.

– Мама, его учат электронике, – парировала Света.

– Вот оно как... – протянула мама. Рейтинг космической академии стремительно падал.

Отличник Кушко опять говорил. О Малевиче, о Босхе, о Монэ. Эмоционально критиковал выставку Глазунова. Света положила ему руку на колено. Пришла мама, принесла замотанную пластырем радиолу.

– Вот, еле нашла, – выдохнула она, опустив реликт между чайником и вареньем. – Это уж точно по вашей части? Сейчас я вам отверточку принесу.

– Они это еще не проходили, – нашлась дочка.

– Да что вы там вообще делаете? – рассердилась мама.

Молодые снова заперлись. Но разговор не клеился. Тут Сергей удачно вспомнил о своих набросках.

– С ума сойти! – покраснела Светочка, вцепившись взглядом в шикарные женские тела. – Да ты же можешь кучу денег заработать. Ты попробуй этих девочек продать! Только их переделывать немножко надо... ну, не такие голые чтоб были... Я для тебя узнаю, куда можно с ними встать. У меня есть друзья...

– Приходите к нам еще, – на выходе скомандовала мама. – И друзей приводите. Вы мне нравитесь, чем-то похожи на покойного брата.

– Ну мама! – простонала Светочка.

Курсант Кушко кое-как вырвался. Гарнизон его не пугал. Он там вырос. Но неожиданно его испугала колея личной жизни. Ровная, уходящая за горизонт, колея, в которой не было места рисованию, танцам и ночному Питеру...

Светочка не подвела. Спустя неделю курсанта взял под крыло юный бородач в берете, с Че Геварой во всю грудь. Он бойко лопотал на англиш, впаривал доверчивым интуристам подделки под Васнецова, матрешки с опрелыми лицами Ельцина и тоскливые виды Питера. Дабы не угодить в лапы патруля, Серега облачился в мешковатый свитер, шапку-петушок и шпионские черные очки.

Прислушавшись к советам бывалых, художник резко сменил тематику. Первые шесть рублей принесла пышная кустодиевская барышня в прозрачном сарафане.

– «Аврору» добавь, – посоветовал «Че Гевара». – Пропорции иногда хромают, но малюешь нехило. Чо в «муху» не пошел? На хрена тебя в сапоги занесло? А-аа, военная косточка, значит? Ну, служи, служи...

Сергей не разбогател, но доходы от творчества в десятки раз превысили скромное курсантское жалованье. Появились деньги на девчонок, на остродефицитные джинсовые костюмы, даже на покупку японского кассетника...

– А ты правда из вояк? – удивлялись соседи по ремеслу. – Да на хрена тебе это надо?

«А на хрена мне на гражданку?» – посмеивался переодетый курсант, но вслух ничего не говорил. Его искренне забавляли жадность к деньгам, мелочная зависть, подсиживание и убогий торгашеский юмор... В Академии все было не так. Там не рассуждали, насколько хреновая у нас страна и как бы половчее свалить на Запад.

Даже мыслей покинуть «систему» у Сергея не возникало. Шальные деньги легко приплывали и так же разлетались. Начиная с третьего курса муштра ослабла. Зато добавилось серьезных технических дисциплин. Преподавали их люди интеллигентные, вдумчивые, готовые к диалогу.

А в стране происходило непонятное. Стремительно дорожало такси, а в трамваях пропало отопление. Водкой торговали из-под полы. На тротуарах рядами мерзли бабушки с белорусским салом, французским спиртом и германским сухим молоком. Бензин в легковушки сливали с рейсовых автобусов. Горбачев «отпустил на волю» ГДР. В Литве глухо затаили сагу о «советских оккупантах». Тамбовские «авторитеты» хоронили дружков в Лавре. По Академии

поползли слухи о расформировании частей. Где-то уже сворачивались ракетные комплексы. Зарплаты офицеров внезапно обесценились.

Но люди в погонах еще верили...

Все хорошее когда-то кончается. В середине шестого семестра курсанта Кушко вызвал начальник факультета. Сергей шел к заветной двери по сверкающей «взлет-ке», заранее прокручивая в мозгу варианты возможных наказаний. Но начфака не стал на него орать.

– Тебе нечего здесь делать, – ровным голосом произнес полковник, оторвавшись от изучения синей папочки. – Зачем ты здесь? Что ты делаешь в армии?

На всякий случай провинившийся изобразил полную гамму чувств – раскаяние, жгучий стыд и острое стремление исправиться. Для этого пришлось одновременно развернуть плечи, понуриться и тоскливо посмотреть куда-то вбок.

Начфака повернул на столе папку.

– Твои художества?

Там были два эскиза и парочка законченных работ, готовых к продаже. «Аврора», Нева, березки, девушки.

– Ты не военный человек, – все так же ровно, не меняя интонации, произнес полковник.

Серегу точно подкинуло в воздух. Вся система обороны, выстроенная заранее, на подступах к кабинету, рухнула. Это он-то не военный? Отец служил, детство прошло в городке, среди офицеров и офицерских жен, чемпионатов по волейболу и конкурсов на лучшего грибника!..

Кто же тогда военный, если не он?!

– Я хочу служить...

– Ты неплохо рисуешь. – Полковник задумчиво перелистал голых девушек. – Мне известно, как ты сдавал политэкономии. И не только этот предмет... Вот что я тебе скажу. Одно дело, когда парень старается, но не может осилить. Ну, не дается! Ну – пусть полы покрашит, пусть оценки иначе заработает. Сразу видно – армейская жилка, командир хороший выйдет, и до диплома мы его дотянем! А ты... ты ведь почти отличник, да?...

Он говорил дальше, не торопясь, размазывал несчастного художника по стенке, а тот краснел и вспоминал злополучную политэкономии. Преподавал ее сущий зверь, но даже у зверя нашлась тайная кнопка. На заре перестройки он собрался строить загородный дом и спросил у курса, кто умеет рисовать. Показали на курсанта Кушко.

Отказаться – обречь себя на кошмар социалистической политэкономии! Сергей бодро взялся за дело, окруженный благожелательной завистью товарищей. Что интересно – он имел весьма отвлеченное понятие о нормах и законах архитектуры и рисовал скорее фантастический замок. Тем не менее препода понравился, в зачетке появилась заветная закорючка. Остается догадываться, какими словами крыл неизвестного архитектора прораб, которого наняли возглавлять стройку...

– Товарищ полковник, я хочу учиться, – промямлил потомственный военный, окончательно выбитый из колеи. Он ожидал криков, ругани, гауптвахты, но никак не угрозы отчисления. – Я хочу служить!

– Мне докладывали о твоих художествах, – отмахнулся начфака. – И про самоволки знаем, и про гулянки ваши, и про девочек, это все ерунда... А вот милостыню просить для советского офицера – это низость! Тебя что, не кормят здесь?! – внезапно рыкнул он. – Ты чужое место здесь занимаешь! Какой-то честный парень приехал издалека, получил тройку и не смог поступить. А ты поступил! И его место занял! Тебе в художники надо было идти или в артисты! Или в кино сниматься, вон... вымахал какой, детинушка!

– Я исправлюсь, товарищ полковник...

Я исправлюсь, пообещал он себе в очередном увольнении. И вдруг все окрасилось серым. Точно лопнул внутри годами зревший нарыв. Сергей отчетливо увидел себя спустя десять или пятнадцать лет. Шкурой почувствовал, как носит шинель с майорскими или даже подпол-

ков-ничьи звездами. Лысеет, толстеет, проверяет чистоту подворотничков, заправку кроватей, длину портянок...

Тупик. Нулевая перспектива. Есть только один способ избежать серого кошмара – учиться дальше. Прорываться в высшую Академию. Трижды подавать документы, сдавать экстерном, подбираясь к следующей сияющей вершине – к Академии Генштаба...

Иначе окажется, что начфака прав.

Отличник Кушко зря занимает чужое место, раз способен легко променять блестящую карьеру на пару занюханных долларов, небрежно кинутых буржуями.

До выпуска он доучился без приключений. Даже девушек забросил, поскольку распределиться в Питере не светило. По возвращении в Мирный снова затеплилась надежда на лучшее. Здесь еще не помахала крылом страшная птица-перестройка. Вдали от ужасов «гражданки» многое виделось иначе. Стали доступны офицерские рестораны, широким фронтом распахнули объятия гарнизонные невесты, можно было больше не слушать родителей, и жить совсем отдельно, и приводить в офицерское жильё кого угодно... Как же быстро все рухнуло!

...Нынешним утром, забираясь в кабину тягача, лейтенант Кушко нарочно снял перчатку. Ладонь мгновенно приклеилась к заледеневшей стальной перекладине. Он даже подождал пару секунд, ощущая острую необходимость испытать боль.

После всего, что случилось.

Тягач взревел всеми своими дизелями, расчет бегом занимал места в вонючем прогретом чреве, а лейтенант все ждал и ждал, чтобы полнее насладиться болью. Чтобы вырваться из оцепенения, которое длилось уже год. Или гораздо больше года? Но боль от ожога оказалась недостаточно сильной.

Сегодня ночью умер его ребенок. Девочка.

Она должна была родиться спустя три месяца.

Глава 4 ШАПИТО

– Да шо ж це таке на мою голову! – непонятно к кому обращаясь, вопила бабушка. Вопила негромко, чтобы не мешать спать дядьям, пришедшим с ночной смены. – Ну, недаром же мовют, шо як гарна дивчина, так мозгов нема!

– Нет, чтоб как другие девочки, на олимпиаду по физике, или по химии... ну, или хотя бы хлопца путного нашла! – вторила дородная тетя Ксана. – Стыдно сказать, куда дивчину собираем!

– Взглянем на ситуацию здраво, – отзывалась интеллигентная тетя Галя, настраивая швейную машинку. – Идти наперекор – означает нанести ребенку психологическую травму!

Мама только вздыхала. Все четверо, не прекращая обсуждать немислимое мое поведение, коллективно готовили праздничный наряд. Праздничный – это слабо сказано! В этом огненном трико я должна была покорить роскошную Ялту с первого взгляда. По лиловому, малиновому и местами лимонному фону щедро струились бисерные ручейки. Бисером мои родственники увлекались давно, можно сказать – из поколения в поколение. И нигде, кроме как в тихих яблочно-сливовых селах под нашим городом, я таких замечательно расшитых рубашек больше не видела. Узрев бисерное великолепие, сотворенное моими бабушками, Сваровски нервно смолил бы в углу, а потом – зачах от зависти. Одним словом, костюм для лучшей цирковой артистки должен был навсегда лишить мир покоя!

Но начиналось все не на солнечной ялтинской набережной. Как это ни прозаично, первый шаг к счастью был сделан в кооперативном гараже дяди Миши. Дядя Миша был механиком от бога. Полет его фантазии проходил всегда столь высоко, что люди обычные, приземленные, вроде участковых милиционеров, подозрительных военкомов и управдомов, просто не могли за ним углядеть. Есть версия, что, едва родившись, дядя Миша потянулся к лобзику и гаечному ключу. В восемь лет старшие товарищи доверяли ему менять масло в двигателях, в десять лет он мог перебрать мотор легковушки, а в двенадцать – бойко разбирал ворованные машины под руководством тех же самых мудрых старших товарищей. Затем товарищи угодили куда следует, но Мишу никто по малолетству не привлек. В четырнадцать лет дядя Миша собрал первый мотоцикл. Затем – трицикл, тут же отобраный ГАИ. После чего к одаренному хлопчику люди потянулись косяком. Дядя Миша все реже посещал учебное заведение, он ремонтировал безнадежно заклинившие замки, велосипеды дореволюционного производства, бензопилы, пылесосы и... самодельные пугачи.

И вот, в компании с этим одаренным, слегка помятым гражданином, я предстала перед Важным Районным Чиновником. Третьим в нашу делегацию была назначена тетя Ксана как самая пробивная и как распорядитель семейного капитала. Важный Чиновник оказалась седовласой дамой гранитного вида. Она оглядела нас с испугом. Тринадцатилетняя пухленькая девочка с улыбкой до ушей. Измазанный в машинном масле, потертый всклокоченный мужик с горящими глазами и дородная мадам в торгашеской размахайке, воинственно перекрывшая выход из кабинета.

– Все верно, вы пришли по адресу... – осторожно промолвила Важный Чиновник. – Мы объявили об очередном конкурсе самодеятельных артистов цирка. Проходить фестиваль будет следующим летом в Ялте, это тоже верно...

– Так вы главная? – перебила тетя Ксана.

– Мне поручено быть куратором мероприятия. Но...

– Я хочу участвовать, – выпалила я.

– Вы не можете участвовать просто так, – стала вяло отбиваться хозяйка кабинета. – Вы должны вначале вступить в самодеятельное творческое объединение. Они рассмотрят вашу заявку. Если это им покажется интересным, вас включат в списки...

– Это же ваше объявление! – Тетка припечатала к полировке стола вырезку из газеты. – Тут не сказано, что надо представлять кого-то...

– Следует зарегистрироваться...

– Це що ж такэ!.. – налилась багровым тетка.

– Мы сделали велосипед! – Я подергала соседа за рукав, чтобы он тоже принял участие в разговоре. – Разве вы не знаете дядю Мишу? Он сделал мне такой велосипед! Я покажу на нем самую лучшую программу!

– Велосипед? – подняла бровь Важный Чиновник. – Это оригинально. То есть... вы намерены покорить публику, катаясь на велосипеде?

В тринадцать лет не всегда сразу понимаешь, что над тобой издеваются. Но дяде Мише тринадцать давно стукнуло, и школу общения с Важными Районными Чиновниками он прошел немалую.

– Слухай, бабусь! Тут шо сказано – фе-сти-валь! – Мой заступник ткнул заскорузлым ногтем в заметку. – Тут сказано – берут заявки от усих желающих. Шо надо, я зарегистрирую... прям зараз. Дай телефон, я Черныху зазвоню. Який у вас тут выход на город? Чи зараз лучше Миколу Шевченке зазвонить?

Важный Чиновник заерзала и побледнела. Микола Шевченко в тот момент был даже не Очень Важным, а Почти Самым Важным Чиновником города. Дядя Миша отремонтировал для семьи Шевченко две служебные «Волги» и, вероятно, оказал еще немало скрытых услуг.

– Шестой кабинет, – сдалась гранитная дама. – Только учтите, все равно нужно согласие родителей! И принимать ваш номер на отборочном туре буду не я, а комиссия!

– Нэхай будэ комиссия, – добродушно согласилась тетя Ксана.

Наутро в гараже собрался мозговой центр. Мои тетки с опаской разглядывали огромное колесо с крохотными педальками и задраным вверх сиденьем. Подозреваю, что переднее колесо Миша свинтил с колхозной сеялки, прочие детали конструкции тоже не продавались в скобяных лавках. Помимо дяди Миши в совете стаи участвовал отставной тренер из киевского цирка, тетенька-энтузиаст из Дома творчества юных и двое шпанистого вида механиков, подрастающая гаражная смена. Они потом, после всего, безмерно гордились своим участием.

– Все гешефты после, – величественно отказался от денег дядя Миша. – Тут... красота важна.

Все молчали и разглядывали красоту. Велосипед чем-то походил на космического кузнечика, случайно залетевшего в нашу галактику.

– А если свалится? – ойкнула тетя Галя.

– Если свалится, набьет шишек, – рассудила тетя Ксана.

Инструктор Дома творчества приплясывала и едва не подвывала от восторга. Ее прежние креатуры покалечились, вышли замуж или тихо спивались. Фестиваль срочно нуждался в притоке талантов, а Дом творчества – в отчетных баллах. Заткнуть брешь в юном творчестве была призвана Анастасия со своим чудо-велосипедом.

– А эти штуки зачем? – робко поинтересовалась мама.

– Это – кронштейны для жесткости, – оживились механики. – Видите, при таком смещении центра тяжести...

– А эти винтики?

– Это мы сами придумали, – гордо закурили механики. – Здесь муфта, соединение для быстрой смены угла наклона...

– Ох, а где ж резина? – удивилась тетя Галя. – Ведь колеса-то резиновые должны быть... У меня в детстве резина была.

– На такое колесо резину не найдешь, – строго сказал дядя Миша. – Придется трошки думать. Вот заднее, маленькое, мы от детского велика взяли, с ним проще.

– На канате резина не нужна, – добродушно пояснил молодой механик. – Там, напротив, обод широкий будем гнуть, чтобы не соскользнула...

– На канате? – севшим голосом уточнила подкравшаяся бабушка. – Настя, чому я ниц не слыхала за канат?

– Это совсем не опасно, – быстро вступилась тетя из Дома творчества. – С Настей будет заниматься профессионал из киевского цирка. И заниматься будут на земле. Пока все не получится как надо...

– А как... надо? – поперхнулась бабуся. Очевидно, она уже представляла меня в бинтах, среди растяжек и искусственных легких...

– Настя, хоть одна тройка – и цирку конец, – проявила неслыханную твердость мама.

Но могла бы это не напоминать, училась я отлично. А шапито той осенью приезжал еще раз. На представлениях я простаивала, задыхаясь от избытка чувств. Когда гас свет, отказывалась уходить. Мне доставляли несказанное удовольствие даже унылые рабочие сцены, разбивавшие батуты и трапеции. Все свободное от школы время я упражнялась в студии Дома творчества. Помимо меня нашлось еще несколько таких же цирковых фанатов, они занимались яростно, не щадя себя. Два мальчика, рискуя проломить черепа, разыгрывали силовую композицию с гириями. Гибкая девочка вертела на себе обручи и швырялась кеглями. Втайне слегка завидуя ее грации, посредством двоих взрослых помощников я взбиралась на свой космический велосипед и отчаянно рвала с места. Описать невероятную конструкцию невозможно, плод стараний дяди Миши надо было видеть. Примитивный велик образца начала двадцатого века механики сообща переделали в произведение искусства. На нем появились задняя передача, тормоза, овальная звездочка, полужесткая рама с амортизатором, пружинная подушка, страховочные штанги и многое другое, о чем уже сложно вспомнить. Седло вращалось вокруг оси, дабы я могла жонглировать и одновременно ехать задом наперед. Этот финт я подсмотрела в фильме про какой-то дореволюционный цирк. Руль тоже крутился, и сверху к нему приварили пластину, чтобы можно было легко перепрыгнуть на него с седла или закинуть ноги... Дяденька из киевского цирка не успевал за полетом моей фантазии. К счастью, некоторые вещи просто невозможно было осуществить в условиях земного тяготения. Иначе я бы настояла...

Во внутренний двор Дома творчества посторонних не впускали во избежание страшных травм. Первые недели травмы доставались мне и тому, кто опрометчиво бежал рядом. Казалось, что не только взобраться на канат, но и проехать по прямой, ровной дорожке – абсолютно несбыточная мечта. Заднее колесико за что-то задевало, громадное переднее вихлялось, руль норовил съездить по зубам, а седло... Умолчим про то, как подло вело себя седло.

Вам никогда на голову не приземлялось полутораметровое колесо от сеялки? Представьте – вы лежите в позе морской звезды, задыхаясь от удара о землю, с набившимся в рот и нос песком, а сверху, игриво сверкая полировкой, валится железная громадина...

Наверное, меня выручало фантастическое упрямство. С невероятной силой вбив себе в голову, что все получится, я заразила бредовой идеей несчастных родственников и целый легион доверчивых помощников. Это к вопросу о роли личности в истории. Как можно убедить, даже двенадцатилетняя личность, провинциальная, кругленькая и смешливая, способна собрать под свои знамена небольшую армию.

Мои «продюсеры» непрерывно редактировали номер, сообщая отрывали заднее колесико от земли, растягивали на колышках канат и предлагали мне что-то отпустить...

Отпустить руки или ноги, или и то и другое вместе. Сохраняя на лице счастливую мину, я послушно исполняла их капризы. Поскольку выяснилась страшная вещь – я была начисто лишена чувства самосохранения. То есть чувство присутствовало, но заглушалось мощной волной счастья. Легче припомнить места, где я не набила синяков, чем те куски туловища, которые не пострадали. Проклятый велосипед швырял меня борцовскими или лошадиными

приемами. К счастью, мудрый тренер высыпал и разровнял во дворе немаленькую кучу песка. Дядя Миша еженедельно колдовал, совершенствуя конструкцию.

– Настя, отдохнем?

– Не-а... – Я выплевывала камни, высмаркивала песок и в сотый раз хваталась за ненавистные палочки. Деревянные брусочки пока заменяли кегли. С немалым трудом наставники отговорили меня от идеи жонглировать горящими факелами. Они обманули меня тем, что якобы есть пожарный запрет на набережных Ялты.

– Настя, подождем с канатом, – упрасивал цирковой наставник. – Еще посадка недоработана...

– Не-а... не подождем.

Канат вибрировал в десяти сантиметрах от земли. Даже без велосипеда я удерживалась на нем не больше трех секунд. Подкидывая в воздух кегли, следовало стараться, чтобы они улетели как можно дальше. Чтобы не упали обратно на голову.

– В кого она у вас такая упертая? – вздыхала инструктор Дома творчества. – У остальных участников коллектива все ясно и понятно. Обручи, гантели...

– Она не упертая! – Дядя Миша бежал рядом с вихляющимся велосипедом, ловко уворачивался от летящих во все стороны кеглей и палок и ухитрялся что-то на бегу помечать в блокнотике. – Она упрямая, это вам не фунт изюма!

– Настя, мы второй месяц бьемся над посадкой, – стонал тренер. – Послушайте, вы, взрослые люди! – зывал он, обращаясь к моим тетушкам. – Вы разве не различаете, что у девочки слабый вестибуляр? Я вам говорю, да, да. Артистизм безусловный, и подача есть, и старание, и с кеглями... скорее всего, все вокруг останутся живы. Во всяком случае, я надеюсь на это... Но воздушные опыты лучше отменить.

– Не-а, – повторяла я и летела носом в песок. Совершенно неожиданно мою сторону приняла бабушка, до того занимавшая позицию крайнего скептика.

Раскупорила кубышку и вложила накопления в тот самый потрясающий бисер для костюма. Собрала семейный совет и принудила раскошелиться всю родню. Скромные мама и папа не потянули бы коллективный выезд в Ялту, да еще в разгар курортного сезона. Лучшая портниха города соорудила мне изящную шляпку с кисеей и лентами, что-то типа жокейской курточки, и фантастические расшитые брючки. Кажется, к весне уже весь наш город знал о фестивале и обсуждал наши шансы.

– Пусть едет, если это ее, – рассудила бабуля. Порой мы не успеваем сказать «спасибо» тем, кто в нас верил. Мне повезло – я успела. Если бы не мои милые, любящие родственники, если бы не поддержка почти чужих и в то же время – очень родных людей, цирк-шапито навсегда остался бы золотой мечтой.

– Пусть едет, – вздохнули родители, в ужасе наблюдая, как единственный ребенок крутит педали, сидя задом наперед на гудящем раскрашенном монстре.

Иногда случай играет главную роль в поворотах судьбы. Но порой происходит так, что мы в силах повернуть удачу лицом к маленькому человечку.

Мои родные сделали это.

Спасибо.

Глава 5 ПРЕСТУПНИК

Начальник отдела кадров смотрел на лейтенанта со странным выражением. Перед ним на пустом столе лежало открытое личное дело. Рядом – тонкая стопка таких же папочек. В окно штаба части стучали сосновые ветки. Под ветками изящно змеились три линии колючей проволоки. За проволокой, в лужах солярки, разворачивались многоосные тягачи.

– Почему холостой? – пустым голосом спросил начальник.

На столь сложный философский вопрос Кушко не сразу нашелся что ответить.

– Не встретил еще... по душе.

– Вот как? По душе?... Хотел попасть на космодром? – лихо сменил тему подполковник.

– Буду служить, где прикажут.

– С Казахстаном у нас проблемы, – поделился начальник. – После того, как эти уроды угробили Советский Союз... – Кадровик кинул мрачный взгляд на портреты Горбачева и Ельцина, – неизвестно, что теперь будет с Байконуром. Многих перебрасывают сюда, но толковых офицеров кот наплакал. Уходят люди... ты тоже намерен увольняться?

Сергей выпучил на него глаза.

– Никак нет, товарищ подполковник. Я служить намерен.

– Так, что у нас... – Кадровик порывлся в бумагах. – Нужны офицеры пуска. Ага... Придется работать с личным составом. – Последняя фраза прозвучала как приговор.

– Я готов.

– Нет, лейтенант, ты не готов. Вас всех на технику готовят, а кто с людьми будет воевать? – Начальник тоскливо уставился в окно. Там расхлябанной походкой, с зажженными хабариками, маршировала рота солдат. – Научить этих «детей гор» чему-то путному за год – нереально. Надо хотя бы сделать так, чтобы они не угробили технику. На Плисецк сейчас вся надежда, понимаешь? Все запуски пойдут отсюда. С бойцами придется дневать и ночевать. Часть должна остаться передовой, как раньше. Понятно тебе?

– Так точно.

Подполковник впервые прямо посмотрел в глаза.

– Пойдешь дежурным расчета на пятую площадку. Ребята там неплохие... С жильем определился? Да, вот еще что... Москва второй месяц задерживает жалованье. Так что деньги не транжирь... И началось.

Когда Сергей впервые попал на развод боевого расчета, ему показалось, что все сговорились над ним подшутить. Мутно светили прожектора. Над тайгой нехотя плыл рассвет. Под рев дизелей духовой оркестр наигрывал фантазии на тему гимна. Воня перегаром, расчет нестройно маршировал на месте. Командир части стоял навтыжку, отдавая всем честь. Когда с места тронулась коробка второй стартовой площадки, Сергей уловил, что же именно – не так.

Половина сослуживцев к восьми утра были пьяны.

На автопилоте Кушко прошагал вместе с командиром и будущими подчиненными. Загрузились в тягач и покатили по звонкой бетонке.

Спустя неделю Сергею стало казаться, что он отслужил два месяца. Спустя месяц ему почудилось, что прошло пять лет. Каждое утро, стуча зубами от сырости и холода, он выезжал на громадном тягаче-«катафалке» в сторону пятой площадки. Под брезентом дремала межконтинентальная смерть. Лейтенант произносил нужные слова, открывал ворота, строил и пересчитывал своих бойцов.

Заполнял тетради.

Проводил профилактику систем.

Докладывал по спецсвязи.

Командовал учебный запуск.

Изо дня в день...

Очень скоро Сергей понял, что пьяных лучше не замечать. Если они не падают в строю. Потому что служить на трезвую голову было практически невозможно. На трезвую голову можно было легко сойти с ума. Естественно, это касалось солдат. Офицеры служили сознательно, особенно то поколение, что пришло в армию на десять лет раньше Сергея. Впрочем, они тоже глушили себя водкой.

Не прошло и месяца, как новоиспеченного начальника расчета снова вызвали в штаб. На сей раз кадровик был развязан и сам слегка под мухой.

– Как тебе у нас?

– Нормально.

– Мне сказали – ты даже на дежурстве учебники листаешь? Намерен дальше учиться?

– Так точно.

– Это хорошо... А ты ведь спортивный парень, – издали зашел кадровик. – Не пьешь. Табаком не балуешься, гирьки тягаешь, да? Однако я смотрю, в ресторан заходил? На дискотеку? Девчонки за тобой бегают?

– Ума не приложу, – поделился Сергей, – откуда они только...

– А здесь все о тебе заранее известно, – хохотнул кадровик. – Ты еще в Академии, а личное дело уже тут. Всем, кому надо, доложено – прибудет холостой, высокий, красивый... Ты – преступник, лейтенант.

Сергей насторожился. Вдруг подумалось, что у товарища подполковника есть рябая толстая дочка и его выбрали в женихи. Но товарищ подполковник толкнул другую идею. От которой лейтенант на несколько минут лишился дара речи.

– Почему это я – преступник?

– Я слышал, ты за девушкой симпатичной приударил? Валерия, да? Да, дочка сам знаешь кого. Да, красивая, и тебя с ней на танцах видели. Кажется, ты даже дрался из-за нее, да? Ну-ну, не скромничай. Иногда за женщин надо драться. Они ведь существа такие... бестолковые. Их надо направлять, верно? – хихикнул подполковник. – Но это твои личные дела. Надумаешь жениться – поможем, чем можем. Квартиры сейчас неплохие стоят, и с очередью на мебель пособим!

– Спа... спасибо... – Кушко растерялся. Валерка ему действительно нравилась. Пожалуй, она могла претендовать на звание «мисс» военного городка. И драться за нее пришлось уже дважды. Но жениться...

– Иначе ты тут в петлю попадешь, – доверительно склонился к нему кадровик. – Тут старшие товарищи кое о чем хотели с тобой поговорить. Ты парень видный, на тебя глаз уже кое-кто положил.

– Кто?!

Одними губами он назвал имя.

– Тебе как она?

– Мне?! Так это же... жена генерала... фигня какая!

– Заткни рот! – жестко обрезал кадровик. – К тебе еще подкатят, не сомневайся. И отказаться не получится. Испортят жизнь. Думаешь, неизвестно, чем тут все вы заняты после службы? Ты Галину на озеро возил? Жену зампотылу? А прапорщиц обеих со связи? А с контрактницами кто бардак в общежитии устроил? Что уставился, как баран?! Я тебя сразу предупредил – мы живем тесно, это тебе не Ленинград. Здесь как одна семья большая. Хочешь жить в мире – не пакости, где не надо! Ну-ну, не бледней, это все ерунда. А вот то, что я тебе сказал, – не ерунда.

– Но меня ведь не могут заставить?... – пискнул Сергей.

– Еще как могут, – отрубил подполковник. – Прикажут – будешь трахать всех жен высшего состава. Генералам не до того, их самих... во все места имеют. Ты же не дурак, видишь, что творится. Зарплаты нет, в военторге пусто, снабжение никакое.

– Но всех жен ведь не смогу, тут генералов штук шесть... – Сергей сделал попытку пошутить, но наткнулся на ледяной, совершенно трезвый взгляд начальника.

– Прикажут – сможешь, – отчеканил тот. – Для части спокойный нервный климат важнее, чем твои амбиции! Или ты думаешь – ты первый такой?! Преступник... И потом... – Кадровик притих. – Ты же в генералы сам метишь? Надеешься успешно сдать? А там конкурс страшный, тяжело тебе придется...

От вкрадчивого тона лейтенанту стало совсем неудобно.

– А вы-то мне что советуете?

Наверное, это был самый бестолковый вопрос, который он мог задать.

– Женись. Эта девушка... Валера, – кадровик назвал фамилию, – она для тебя – хорошая жена будет. Не вертихвостка какая-то. Я с ее родителем долго служил, отличная семья. Иначе пропадешь. Я же вижу, ты непьющий. Но азартный. Женись. И становись генералом.

– И тогда?...

– Тогда тебя не тронут. Обстановка хреновая, прямо скажем. Моральный климат падает. Кто-то должен, ты пойми...

– А вдруг она? Там у нее парень есть, старлей один...

– Она никуда не денется. Пойдет за тебя. Отобьешь.

– Ладно, – вздохнул Сергей. – Женюсь.

Глава 6 ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

– Порываева, – сказал кто-то.

– Порываева, – повторили на разный лад.

Шансы были почти никакие. Но в силу ее врожденного авантюрного оптимизма выезд в Ялту состоялся. Ослепительно белая набережная, шаткие кроны пальм, пьянящий воздух и грохочущий оркестр цикад. Почти вертикальные улочки, запруженные счастливыми бездельниками, иглы кипарисов, колоннады роскошных дач и волны, волны, волны...

И море голов, повернутых в одну сторону, к тебе.

Масса почти черных и сметанно-белых тел, прижатых животами к ограждению. Растяжки с трепещущими вымпелами. Грандиозный теплоход «Иван Франко», искрящийся многопалубный плавучий город. Очень Важные Гости на трибунах, их имена произносятся с благоговейным шепотом. Это люди... из настоящих цирков. Это недостижимые артисты из Москвы...

И загорелый стройный мальчик в первом ряду, изумленно вскинувший брови. Усаживаясь в седло, Настя внезапно увидела себя его глазами. Несуразная девочка, в дурацкой декадентской шляпке, в развевающихся ленточках и блеске бижутерии, на холке горбатого самодельного зверя...

– Порываева, – простонали в третий раз. Тогда только до дебютантки дошло, что выкликают ее фамилию.

Это еще ничего не значило. Регистрация. Переключка. Обязательные формальности. У девчонок рядом – дрожь в коленках, мальчишки беззвучно шепчут мантры, напряженно перемигиваются с родителями. Их неровный радостный ужас должен был передаться и ей, но...

Пожалуй, все эмоции заслоняло солнце.

Солнечное ощущение счастья.

Хриплый рев динамиков, вспугнувший свору чаек.

– Наш фестиваль самодельных цирковых коллективов открывает группа силовых акробатов из...

– Настя, приготовились, после тех мальчишек наше выступление... Настя, ты меня слышишь?! Куда эти чертовы кегли подевались?!

Непросто услышать, когда вокруг тебя происходит столько сказочных вещей одновременно. Когда полощутся на ветру яркие полотнища, и как раз напротив, на одном из них нарисована девочка на шаре, чем-то неуловимо похожая на тебя. Девочка стоит на цыпочках, гибко тянется куда-то вверх и всей своей позой словно говорит – бояться не надо, надо так же стремиться к успеху...

– Настя, вон тот, на трибуне, слева... Он из Киевского эстрадно-циркового, всегда приезжает...

Под истерическим нажимом родных юная эквилибристка отказалась от самоубийственной затеи с канатом. То есть канат натянули, но низко, над самой землей. Зато артистке предложили карт-бланш на прочие дикие выкрутасы...

– Дорогие друзья! Такого вы еще не видели! Настя Порываева покажет вам...

Спустя много лет она приблизилась к верной формулировке, о которой не могла и догадываться милая девочка, оседлавшая страшное колесо. Не надо ненавидеть соперников, это чувство разъедает тебя изнутри и душит твой талант. Не надо бояться зрителя и не надо заискивать перед ним. Человек зубрит свою роль, сотни раз творит мирок перед зеркалом, а затем теряет семьдесят процентов кпд только потому, что в зале кто-то встал и вышел.

Правило только одно. Надо всецело отдаваться делу, которое любишь. Нет ничего важнее, чем талант, подаренный тебе Богом. И подарен он тебе с единственной целью – чтобы

ты делилась им, непрерывно и щедро, насколько хватает сил. И тогда совсем неважно, пьют они вино, болтают о своем, ныряют в море или вяло хлопают. Те, кому предназначен твой дар, непременно найдут тебя.

– Ну, Настенька, ни пуха тебе...

Девочка толкнулась, вырвалась под оглушительный звон и понеслась, набирая обороты, навстречу крымским горам. Кажется, люди захлопали, засмеялись и обрадовались. Кажется, они подсаживали на плечи детей и показывали пальцем.

– Дякую тобі, Боже... – Кажется, это хором произнесли любимые тетки.

Настя делилась с ними тем, что постигала год.

– Тыц-бумм! Тыц-буммм! – забухал барабан.

Наверняка она очень старалась. И волшебное скрипучее творение дяди Миши не подвело. Велосипед стал поразительно послушен, он откликнулся на команды каждой гаечкой, каждым сантиметром своего мощного горбатого туловища. Кегли с блестками, клоунские шапочки, игрушечные факелы взлетали в воздух и возвращались обратно в ладони, как преданные голуби с домашней голубятни. Великий полководец оказался прав – многомесячные кошмарные тренировки обернулись тремя минутами света.

– Тыц-бумм! Аааа... – И треск. Оглушительный треск, природу которого юная циркачка не сразу поняла.

Аплодисменты.

Они обволакивали девочку громадным теплым облаком.

– Настенька, что ты, что ты? Ты плачешь?

– Доню, все хорошо! Подумаешь, всего одну уронила...

– Ой, мы так испугались, когда ты на руле крутилась! Думали, он как завалится, а внизу – асфальт...

Аплодисменты. Тысячи ладошек бьются друг о дружку, и это все для тебя!

– Сейчас результаты объявят!

Артистку мяли, теребили и тащили одновременно в разные стороны. Как же она их всех жутко обожала в тот момент, но, давясь от смеха и глупых слез, никак не могла сообщить им главное...

– Настя Порываева... – зашуршал динамик. – Мы видели оригинальную программу на старинном велосипеде... очень необычный подход... жюри единодушно... такая симпатичная девушка...

– Это хреново, – в сердцах сплюнул их цирковой тренер. – Коли симпатичной обозвали, приза точно не дадут. Это они вечно так, утешают...

– Настюха, ты все равно самая красивая была! – закричали из «группы поддержки». – Настя, болеем за тебя!!

Да и бог с ними, с призами и результатами! Насте почему-то гораздо интереснее было смотреть не на гостевую трибуну, не на уважаемых господ из жюри, а на разогретую, скачущую вокруг сетки детвору.

– По общему решению жюри... по многочисленным просьбам зрителей... учреждается приз зрительских симпатий. Вот эту замечательную статуэтку... – В руках ведущей блеснула бронзовая девочка на шаре. – Этот приз мы вручаем... вру-уча-аем...

– Анастасии По-ры-ва-е-вой!!

– Иди, иди! Это тебя!

– Настя, это тебя зовут!

Вблизи жюри выглядело совсем нестрашно, они поочередно, по-мужски пожимали руку, говорили ободряющие слова, и кажется, опасались, что девочка заплачет. Но Настя не запла-

кала, несмотря на то, что на ее бронзовой девочке не стояли цифры первого, второго или какого-то еще места.

Как можно плакать, когда все так здорово?!

А где же тот высокий, худенький и очень загорелый мальчик, с такими ясными, восторженными глазами? Наверняка он случайно угодил в первый ряд. Скорее всего, они гуляли вместе с отцом, это отец привез сына с далекого военного севера в Ялту и бродил с ним повсюду, щедро растрачивая офицерские отпускные. Отец там тоже был, по крайней мере, его рука лежала у сына на плече. И все это продолжалось пару секунд, не больше, точно чудом сохранившийся обрывок старого семейного фильма – пронзительное солнце, бархатные склоны гор, блеск хрома, мелькание спиц, тугое кряканье валторны, чернильные глазки фотоаппаратов в вытянутых руках, распахнутые в предвкушении рты...

Мальчик.

Спустя пятнадцать лет они будут спорить, кто из них первый кого разглядел в этом безумном мире. Ее мальчик.

Глава 7 ЖЕНИХ

Старшего лейтенанта Сергей отбрил со второй попытки. На самом деле дрался не с ним, а с незнакомыми промышленниками. Гражданские спецы тоже приходили на дискотеку, именно там рождались маленькие трагедии, рушились планы и надолго ссорились друзья. Потому что женщин на всех не хватало...

Успокаивало то, что большинство офицеров ходили на боевое дежурство по трех- или четырехсменке. Таким образом, четверть голодных холостых самцов находилась на позиции, еще столько же отсыпались после суток, а другие готовились к заступлению. Иначе говоря – запасались чтивом и алкоголем. При таком раскладе доступных девушек-промышленниц более-менее хватало, а среди «порядочных» офицерских дочек даже возникало подобие конкуренции. Но в самый разгар дискотеки могла ввалиться компания летчиков из соседней части, человек тридцать, и тогда...

Тогда становилось тесно.

Советоваться с родителями не имело смысла. Отец все сильнее мрачнел, слушая сводки политических новостей, мама ужасалась ценникам в магазинах.

– Папа, я, наверное, женюсь.

– Наверное? Ты не уверен в себе или в ней?

– Папа, а ты всегда был уверен?

– Женидьба – дело серьезное. Мы не относились к этому, как ваше клоунское поколение.

Мы отвечали за свои решения. И страна жила нормально...

– Вот как? Вы отчитывались перед замполитом? И невесты тоже?

– Не паясничай! Достаточно, что мне из училища о тебе докладывали!

– Папа, отчего ты не спросишь, люблю ли я? Разве не это главное, а?...

Вечером Сергей брел между пятиэтажек-близнецов и считал окна. Он загадал, что если до Дома культуры освещенных окон окажется четное количество – сделает Валере предложение. Фонари с жалобным скрипом раскачивались на ветру. Мрачные лица членов Политбюро следили за лейтенантом с облупившихся плакатов. Ветер швырял под ноги пачки газет. Это была «Красная Звезда», которую последние десять лет никто не читал.

На крыльце очага культуры вяло блевали. Тут же угощали самогоном.

Сергея передернуло, точно от рюмки плохого коньяка. Вдруг представилось, как проживет в городке еще двадцать лет, на танцы ходить будет стремно, охотиться он не любит, в карты не играет...

Станет полковником. Или даже генералом. Будет сидеть в пустой квартире и выть на тайгу.

– Давай поженимся?

– Что? – Лера взглянула искоса, еще горячая, влажная, не отошедшая от круговерти диско. – Что ты сказал?!

– Я сказал, что ты очень красивая.

– Врешь. Ты сказал другое.

– Я сказал, что нам надо кое-что обсудить. Уйдем отсюда?

Они вышли в сырость, в осень, в темень. Внезапно Сергею пришло в голову, что среди казенных «хрущевок» нету даже приличного романтического места, чтобы сделать девушке предложение.

– Ты к Людке ходишь...

– Это так, ерунда. Только ты мне нужна.

– А девчонки, прапорщицы? Тоже ерунда?

– Просто был у друзей день рождения. У меня много друзей...

– Ты так решил, потому что один, да? Потому что папа с мамой заели?

Она выгнулась длинной теплой спиной. Лейтенанту стало жарко. Неожиданно он сложил дважды два. Это ведь самая красивая девушка в Мирном, подумал он. Это самая красивая и самая желанная невеста.

– Я так решил, потому что... люблю тебя.

– Ты пьяный?!

– Нет.

Она задумалась. Бережно провела ему узкой ладошкой по лицу. Позже Сергей спрашивал себя – в тот момент ее мозг функционировал, как мощный компьютер? Или она его тоже... тоже чувствовала к нему нечто?

– Ты подрался из-за меня с Черепановым? Бедненький...

– Ты что-то обещала Черепанову? – насупился Сергей.

– Теперь неважно. – Она улыбнулась в темноте. И вдруг прильнула к нему сбоку, хрупкая, нежная и очень уютная. – Черепанов рапорт подал. Я его послала... Я не пойду замуж за человека, который хочет свалить в никуда. В тары-тарары... – Она подставила губы для поцелуя, позже так же ровно закончила фразу: – Он несерьезный. Он собрался продавать машины из Германии, бред какой-то! Отец сказал, что предателя родины не пустит на порог. Между прочим, отцу ты нравишься...

Ее теплая коленка как-то невзначай очутилась у парня между ног.

– Да, да... – Теряя нить беседы, он положил ей руку на бедро. – Твой отец – кремень...

Свадьбу сыграли скромно. Благодаря талончику из ЗАГСа, удалось раздобыть шампанское и водку. Бате по благу выделили икры. Мамина сестра прислала целый ящик импортных консервов и сервиз. Родители невесты подарили телевизор. Начальник отдела кадров не обманул – благодаря его заступничеству командир части вручил ключи от квартиры. По иронии судьбы, ее прежние хозяева только-только свалили в Москву.

Валера принялась хлопотать по хозяйству, и первые два месяца пролетели, как во сне. Сергей не задавал себе глупых вопросов про любовь. Возвращаясь с суток, шел в душ, валился за стол, наворачивал тарелку борща, котлеты, пироги, отупело слушал женское воркование. В ящике громили Вильнюс, Баку, демократов, пацифистов, диссидентов, чекистов, путчистов. В военном городке время буксовало. После ужина Сергей доставал конспекты, остервенело чертил, сочинял рефераты, решал задачи по тактике, посылал решения в Москву...

Все катилось как положено. В колее.

В шесть утра, не разлепляя глаз, нащупывал будильник. Бегом бежал в ванную, бегом – на промерзшую кухню. Жена вскакивала следом, обгоняла на пути к кастрюлькам и чайникам, смешно целовала на пороге, пухлыми сонными губами... Храня на губах ее вкус, скакал через пять ступенек, и вприпрыжку, пожимая на ходу руки – туда, где зарево прожекторов освещало стартовые площадки, к оркестру, к своему взводу и своему многоосному «катафалку» с ракетой...

Так и надо. Суровая мужская работа, повторял он себе. Нравится или нет, но кто-то должен это делать. Лязгая зубами на разводе, Сергей представлял, как жена спит, уткнувшись носом в его подушку. И сразу становилось теплее.

Начальство мрачнело, жалование задерживали по три месяца. Иногда не успевали подвезти горючее для тягачей. Раза три за зиму и впервые за двадцать лет отключали ток. К счастью, моментально сработали резервные дизели. А солдатики не просыхали, расходуя материнские переводы и скудные казенные рубли на самогон...

– Я так не могу, – однажды призналась Лера. – Мне надо искать работу. Мы не можем ничего купить. Смотри, вторая комната так и стоит пустая. Я думала, там детскую...

– Что я могу поделывать?

– У тебя скоро отпуск, а мы никуда не можем съездить... Там все так подорожало...

«Там» – это на Большой земле, там, где цивилизация. Терра-инкогнита, пугающая своей непредсказуемой буйностью. Страшный Питер, дикая Москва.

– Может, мне тоже подать рапорт? – брякнул Сергей. – Плюнуть на учебу, на все планы, на карьеру, а?

Валера моментально напряглась, но не отстранилась.

– Как... рапорт? Чем же ты займешься?

– Переедем куда-нибудь, – не слишком соображая, фантазировал он. – Устроюсь в охрану. Или в спортивный клуб. Или вон... куртки поеду продавать... Что ты так смотришь? Шучу я, шучу...

– А пенсия? А выслуга? Ты сдурел? Как я в глаза родителям буду смотреть? А если дети?

...

– Хорошо, хорошо. – Сергей пошел на попятный. И тут до него докатило. Жена уже второй раз прозрачно намекала, а он, боров эдакий, откровенно тупил. – Ребенок? Ты сказала?... Ты беременная?!

Она потупилась и покраснела. Словно съела чужое варенье. Много позже Сергей вспоминал – какая же Лерка была красивая в тот момент! И какие на самом деле они были счастливые...

– Давно уже? Почему ты молчала? – Он усадил жену к себе на колени, обхватил, закутал.

– Я тебя не обвиняю. – Она обвила мужу шею руками, зашептала в ухо. – Просто... ты не заметил? Мы почти не разговариваем. Твоих денег хватает только-только. Раньше было не так. Раньше можно было в кредит, в рассрочку, мне мама говорила. У нас элементарных вещей нет. А я... я думала, мы ребеночка заведем, а...

И станет лучше?

Так он подумал. Но вслух сказал другое.

– Куда ты пойдешь работать? – бестолково отозвался Сергей. – Ты учитель, а учителя в нашей школе не нужны. Скоро учить некого будет. Народ разъезжается...

Зазвонил телефон. Это была одна из редких привилегий: аппараты ставились в квартиры оперативным дежурным, командирам, замам и особо ценным спецам.

– Лерка, мне надо бежать. Попросят подменить, там кто-то болен на четвертой площадке.

– Беги, конечно! – Она мгновенно вытерла слезы, засуетилась с бутербродами, принесла чистые носки. Настоящая боевая подруга! Где сейчас таких найдешь?...

Воскресным утром, пока Сергей был на подмене, Лерку увезли в больницу.

Хорошо еще, что Лера достучалась до соседей, ведь телефон давно отключили. После смены, честно отслужив со сжатыми челюстями, лейтенант бежал до больницы бегом. Он пробежал без остановки шесть километров, от автобусной станции до городка. Потому что умер бы, дожидаясь казенную развозку.

– Родная моя, ничего... Мы попробуем еще раз... Его дочь умерла, не дожив три месяца до собственного рождения.

Глава 8 СУДЬБА

На обветренной кирпичной стенке красовалась самая прекрасная, самая восхитительная табличка на свете! И буквы на ней, золоченые, слегка облезлые, звучали дивной музыкой.

«ЭСТРАДНО-ЦИРКОВОЕ УЧИЛИЩЕ».

Под табличкой змеилась гигантская очередь на подачу документов. Собственно, очередей было несколько, но никто в точности не смог бы сказать, куда и зачем следует занимать. Сотни абитуриентов страдательно и ревниво следили друг за другом, обсуждали взлеты, провалы и кошмарный характер преподавателей.

– Шантрапа, – закусив папироску, победно высказалась тетя Ксана. – Нашей красавице тут никто в подметки не годен.

– Их подозрительно много... – пробормотала интеллигентная тетя Галя. – Может, здесь набор на целину?

Восторженная племянница глазела исключительно на обветренный цирковой купол. Больше ничего в тот момент она не замечала. Училище располагалось в левом флигеле старого цирка, и, как назло, именно тем летом его руководство решило закрыться на реставрацию. Лестницы и переходы были забиты абитуриентами, точно банки с пассерованными шпротами. Тем солнечным летом казалось – вся молодежь бывшего Советского Союза бредила ареной. Эстрадно-цирковых на гигантской карте СССР имелось три – в Москве, Киеве и Тбилиси. В приближении ситуация выглядела так: отделение вокала – восемьдесят человек на место, цирковое – зашкаливало за сто. Нервным шепотом передавали друг другу кошмарные новости.

– На эквилибр возьмут всего двоих...

– Я третий год пытаюсь...

– На жонгльж одно место, и то – неточно...

– В столице еще хуже...

– А клоуны им вообще не нужны?

– Проходной балл подняли...

К великому счастью, Настя Порываева понятия не имела о творящемся безумии. Но, встретившись лицом к лицу с отпрысками славных династий, мгновенно ощутила, что шансы стремятся к нулю. Здесь томились в очереди люди, с двух лет ползавшие в опилках арены, а с четырех лет умевшие висеть на трапеции. В пятилетнем возрасте родители отдавали их на специальные курсы, дабы ребенок привыкал к бешеным нагрузкам, осваивал актерские навыки, пластику и заранее выбрал профиль профессии. Кто-то шел на акробатику, в коверную буффонаду, кто-то – в партерные или воздушные гимнасты, а на соседнем отделении муштровали эстрадников. Тем тоже приходилось несладко – хореография, степ, техника речи...

Одним словом, девчонке, выигравшей когда-то в Ялте приз симпатий, не светило ничего.

Но иногда в наши самые пессимистические планы вторгается нечто. Люди верующие называют это ангелом-хранителем, другие твердят о силе духа, которая все перетрет, или разводят руками – судьба...

Судьба.

– Главное – не опозориться на первом туре! – убеждали друг друга будущие коллеги. – Если рожа им не понравится, зарубят на фиг!

– У него рентген показал слабое искривление позвоночника. Не взяли, хотя отец двадцать лет на кольцах крутился...

– Врачиха нарочно шепчет еле слышно, фиг цифру угадаешь...

– И вовсе дело не в лице. Зритель твоего лица не видит, главное – фигура...

На лестничном пролете почти не осталось кислорода для дыхания, но покинуть очередь – означало потерять слабый след надежды. Держались друг за друга так плотно, словно готовились пережить землетрясение. Сверху вываливались поодиночке, с перекошенными физиономиями, корчили страшные гримасы.

– А на втором туре? – пискнул кто-то.

– На втором – еще хуже! – авторитетно заявил долговязый очкарик. – На втором – дадут банку консервную и, к примеру, шнурок – и изображай даму с собачкой!

Но почему-то всех пугал именно первый тур, а не экзамен по актерскому мастерству. Начитавшись и наслушавшись, все примерно представляли, как вести себя с банкой и шнурком. Зато собственная внешность вызывала у каждого второго ненависть к себе.

...Приемная комиссия смотрела на пятнадцатилетнюю девочку, как многоголовый дракон. Достаточно хищный, но наевшийся и потому флегматичный дракон.

– Что вы нам покажете? Танец? Композицию? – ободряюще улыбнулась одна из главных голов дракона. Голова находилась по центру стола, а скатерть свисала до пола, мешая претендентам рассмотреть копыта и хвосты. То, что у этих коварных пожирателей детей имеются хвосты и копыта, Настина бабушка ни секунды не сомневалась.

– Расскажите нам о себе. Почему хотите именно в наше училище? Вы знаете, как вам тут будет тяжело учиться?

– Придется жить в гостиницах, питаться на ходу...

– Девушка, вы хоть понимаете, что это одна из самых сложных и неблагодарных профессий на свете?

– Вы представляете, сколько травм и несчастных случаев?

– Вам придется сбросить килограмма четыре... если не все шесть.

Многоголовый дракон был искренне ошарашен. На фоне скромных черных трико перед ними вдруг появилась дама из кордебалета. Ярко-голубые лосины с лайкрой, пронзительно-красный купальник с ошеломляющими разрезами, сзади и спереди, улыбка до ушей и копна смоляных волос. Немыслимый «пожарный» купальник и бешено дорогие лосины приобрели на рынке у фарцовщиц, для этого пришлось дважды мотаться в соседний городок, заказывать редкий товар заранее и переплачивать втрое. Но о деньгах уже никто не думал, деньги на Порываеву собирала половина города...

На все каверзные вопросы Настя отвечала еще более широкой улыбкой и упрямым: «Я хочу у вас учиться!» Комиссия наблюдала необычное явление с нарастающим интересом.

– Смело! – прокряхтела одна длинноносая «голова» в ухо другой.

– Эгхм! – многозначительно отозвалась коротко-носая «голова», с интересом разглядывая юную пышную плоть, со всех сторон аппетитно выпирающую из купальника.

– Дерзко! – похвалил полуживой старичок и мечтательно вздохнул. – Статуэточка...

Дракон смутился. Ему давно не попадала в лапы такая вот пятнадцатилетняя Мисс Наивность, одетая то ли на конкурс красоты, то ли с более вульгарными целями...

Второй тур состоялся на следующее утро. Атмосфера у листков со списками раскалилась. Казалось, даже стены искрились. От многих абитуриентов можно было запитать бытовые электроприборы.

– Все плохо, все плохо! – заламывая руки, повторяла девушка в квадратных очках.

– Я просто не собрался... они так смотрели... они нарочно... – среди группки молчаливых слушателей всхлипывал здоровенный парень, похожий на тяжелоатлета. Обступившая его толпа мрачно молчала. Возможно, каждый втайне радовался, что одним соперником стало меньше.

– Дай им всем. – Тетя Ксана дружески пихнула племянницу в спину. – Нэхай запомнят Порываевых!

– Будь приветлива и не чешишь, – напутствовала утонченная тетя Галя. – И не клади нога на ногу. И не фыркай...

Родители наматывали круги по двору. В силу непонятого броуновского движения они сталкивались там с другими ошпаренными папами и мамами, жалко улыбались друг другу и продолжали бессмысленный бег.

– Ну-с, потанцуем? – игриво предложил Насте вчерашний старичок и заковылял к инструменту, с трудом подволакивая ноги. Как это ни абсурдно, именно он считался главным спецом по пластике и танцевальной подготовке.

Комиссия оживилась, приметив знакомый мажорный наряд и выразительные формы соискательницы.

– Что играем? Казачьи танцы? Импровизации на тему?...

Старичок врубил музыку. Музыка не подошла. Тогда он легко взобрался на рояльный табурет и ударил по клавишам.

Строго говоря, к мужским казачьим танцам номер имел отношение весьма отдаленное. Но, как выяснилось, Настина преподавательница из Дома творчества свое дело знала туго. Три года она с бешеным упорством гнула и ломала свою подопечную под самыми немыслимыми углами. Так что грация и пластика оказались на высоте, несмотря на явную недоработку образа вольного запорожца.

Комиссия вяло похлопала.

– Вы опоздали на очень важное мероприятие. Вот ваш стул, в первом ряду, – сказала вдруг центральная женщина.

Настя не сразу догадалась, что мучители перескочили ко второй части экзамена. Удерживая дыхание после азартных скачков, она выскользнула за дверь и под изумленные взгляды прочих соискателей снова вернулась в зал. Она даже не пыталась играть, всего-навсего отчужденно вспомнила собственное опоздание на контрольную. Бочком просеменила к свободному стулу и с придурковатой улыбкой приземлилась возле крайнего экзаменатора. Коротконосый бросил на нее косой взгляд и рассмеялся.

– Покажите нам луну! – приказала главная дама. Настя словно споткнулась. Последние месяцы она до потери пульса штудировала методички и разрозненные учебники театральных вузов. Там описывалось бесчисленное количество экзаменационных заданий, но такого простого нигде не было.

Впрочем, простотой тут и не пахло.

Неожиданно Насте подмигнул лохматый старичок, он так и продолжал крутиться на рояльном табурете. И такой вот малости, искренней симпатии, девочке оказалось достаточно. Она внезапно и четко поняла, что надо делать. Вовсе не следовало раздувать щеки, изображая круглую планету-спутник...

Настя вытащила стул на середину скрипучего паркета, уселась на краешек, подобрала ноги, и, мечтательно глядя вверх, стала растирать ладошкой несуществующее оконное стекло. Она совершенно ясно увидела полную, налившуюся голубым соком, луну за окном и крошечную девочку, которой не спится в пустой высокой спальне...

– Так-так, – сказал длинноносый.

– Не возражаю, – главная дама что-то чиркнула в блокноте и подвинула блокнот соседу, гривой похожому на льва.

– Статуэточка... – добавил любимый комплимент старичок.

– Держите. – Коротконосый протянул Насте продолговатый сверток. – Вы не Порываева, вы – нянечка в детском доме. Это чужой ребенок, не спит вторую ночь. Вперед!

В пятнадцать лет ты еще имеешь негласное право засыпать в обнимку с куклой, тебе порой доверяют подержать в руках чужое дитя, а ты чересчур крепко хватаешь шевелящийся

сверток. А руки слегка трясутся, особенно когда под ногами асфальт, а ребенок выгибается, остро чувствуя чужие объятия, но это здоровый, домашний, выпавшийся ребенок, а не подкидыш, у которого вдобавок болят уши, пучит живот, которого надо любить как своего, а он, чертова зараза, не дает спать второе дежурство подряд...

– Достаточно, – постановил «дракон». – Результаты – завтра на стенде. Вы прошли на третий тур.

Уже во дворе, под жарким июльским солнцем, ее начало трясти. Ладони вспотели, вся спина стала мокрая, а с лица не сходила бессмысленная ухмылка. Несчастные родственники замерли с открытыми ртами, не решаясь задать вопрос.

– Я хочу тут учиться, – выговорила Настя. – Я буду тут учиться.

Судьба.

Глава 9 «АДИДАС»

Лейтенант Кушко изловил командира дивизиона не сильно пьяным, ловко подsunул рапорт.

– Уволиться хочешь? – рассеянно икнул майор Прошкин. – Армию не любишь?

– Очень люблю. Не гожусь, не достоин, не рассчитал. Все изложено...

Сергею нравился командир дивизиона. Напивался Прошкин редко, максимум – раза два в неделю. В промежутках был не чужд общению, без приглашений забредал в гости. Ходили слухи, что однажды майора видели с книгой. Потом выяснилось, что он отнял ее у солдата.

– Как же ты так... внезапно? – огорчился командир, тербя рапорт.

– Э-ээ, хм. Я не внезапно. Четвертый раз к вам приношу, посодействуйте, семья рушится.

– А чего ей рушиться-то? Жена у тебя вроде того... военная косточка.

– Вот именно... – Сергей почувствовал, что сейчас наговорит лишнего. – Она привыкла жить, как подобает жене офицера. Готова ездить со мной по гарнизонам...

– А ты как думал? – торжественно погрустнел майор. – Тяготы и лишения...

– Я не думал, что жалованье будут по три месяца задерживать. Что тетки из военторга будут продавать все из-под полы, и не нам, а в городе. Я не думал, что зимой месяцами нет горячей воды. Что жене приходится колготки штопать. Что в Академию нет перспективы. Что блатные все попали в Москву, и их оттуда клином не выбьешь...

– Что наверху говорят? Ты же писал генералу?

– Резолюции кладут – «Работать с молодыми офицерами». Три месяца жду.

– А что на гражданке будешь делать? С тряпками возиться? За прилавком стоять, как твой друбан Коваленко?

– Он мне не друбан. Но лучше торговать, чем так... Прошкин поскреб за ухом.

– Ладно, сделаем вот что. Езжай в город, прогуляешь боевое дежурство, а я тебя буду искать. Только без драк, без уголовщины, уловил? Нормальный запой, на суде чести это вызовет понимание. Командир части как раз в отъезде, тебе повезло... уволим по 61-й. «Действия, порочащие высокое звание советского офицера...», в таком духе.

В тот момент Сергей был уверен, что поступает правильно. Но не прошло и месяца, как жена устроила ему баню почище командирского суда чести...

– Ты меня позоришь!

– Интересно, это чем же?

– Не дай бог, папа узнает, чем ты занимаешься!

– Ой, какой кошмар! Лерочка, и чем же я таким жутким занимаюсь?

– Ты – спекулянт. Мой муж – спекулянт.

Он хлопнул дверью, чтобы не наговорить ей гадостей. Тряслись руки. Пришлось ухватиться за перила и несколько раз глубоко вдохнуть.

Все рассыпалось. У Сергея который раз возникло ощущение, будто он находится посреди песочницы. Он только что выстроил изумительные, такие стройные, праздничные замки, но песок предательски сохнет, карнизы и башни трещат, обваливаются, и ничто не может остановить этот естественный природный процесс, поскольку укрепить песок ничем...

Или он все-таки сумеет?

Сергей в последний раз глубоко выдохнул и вернулся в квартиру.

– Лера. Послушай. Давай поговорим...

– Поговорим... – Она отвечала, уставившись в пространство.

Сергей предпринял неловкую попытку обнять жену за плечи, но наткнулся на сплошные углы. Последний месяц Лера вся состояла из острых углов.

– Я тебя очень люблю...

– Это слова! Что ты сделал?

– А что я сделал?

– Зачем ты подал рапорт? Почему ты подал рапорт без меня? Тебе даже в башку не пришло посоветоваться со мной?! Ты разве один живешь? Я что, не человек? Я какая-то вещь, что со мной можно не советоваться?...

– Но, Лера, я...

– Нет, пожалуйста. Помолчи и дай мне сказать. Ты хотел поговорить, так пусть это будет сегодня. Я месяц молчала, надеялась от тебя дождаться чего-то разумного...

– Я хотел, чтобы мы стали лучше жить...

– Это называется «лучше»?! – Лера жестом полководца обвела прихожую, заставленную баулами. – Или это называется «лучше»? – Она распахнула встроенный шкаф. Оттуда посыпались спортивные штаны, сплюсненные китайские сумки и пакеты с просроченным сухим молоком. – Это называется «позор», а не «лучше»! Я выходила замуж за офицера, а не за барыгу...

Спустя двое суток он снова трясся в поезде. Вдыхал чей-то вонючий табак, раскаляя горячим лбом лунку в замерзшем тамбурном окне. Мимо пронеслись гранитные отвалы, сопки, заросшие вечным лесом, заброшенные полустанки, навсегда лишенные огня. Состав изгибался, как суставчатый хвост железного ящера, за окнами мелькали снежные миражи. Сергей вернулся в вагон, раскатал пыльный матрас и забрался на верхнюю полку, в обнимку с калькулятором и стаканом чая.

– Что, с бабой поцапался? – участливо спросил нижний сосед. – Или перед Москвой бздишь? Не трись, Маша, прорвемся...

Это была его четвертая ходка в столицу, но пока малейших финансовых просветов не предвиделось. Разбогатеть не получалось. Бывший лейтенант Кушко вложил в товар все сбережения и занял еще столько же у друзей.

Началось с того, что старший товарищ Паша Коваленко предложил взять куртки «под „Адидас“», прочее – по мелочи. Якобы на таких куртках кто-то оптом загреб сразу аж штуку долларов. Из плотной вязанки, которую Се-рега, надрываясь, припер из Москвы, удалось продать всего три курточки. Остальное, по великой доброте, согласился забрать какой-то ларечник-южанин.

В процессе следующей поездки в Москву случилась неприятность. Вальяжные молодцы в спортивном низе и строгом верхе остановили Сергея и двоих его приятелей на полпути между рынком «Лужники» и станцией метро.

– Как торговля, землячки? – косо глянув на набитые сумки, заговорил приземистый, бритый, с ключами в руке. С этой связкой ключей он постоянно что-то делал, крутил, вертел, будто нарочно притягивая туда внимание.

– Ребята, мы офицеры, с севера, семьи кормим, – примирительно забубнил капитан Коваленко. – Мы уже платили...

– Пароль помним? – вяло осведомился второй бандит, шире и крепче первого. Лицами они почти не отличались, только второй катал в зубах зубочистку.

– Какой еще пароль? – оторопел Кушко.

– Кажись, «помидор», – без энтузиазма предположил второй приятель Сергея, прапорщик из медслужбы.

– Кажись, ты считаешь, что мы дураки? – Физиономия с зубочисткой сфокусировала на прапорщике выпуклые рыбы глаза. – «Помидор» был две недели назад. Делиться надо, уважаемый.

– Или возьмем все, что найдем, – с теплотой в голосе добавил третий налетчик. – Я ведь могу и поискать.

Сергей быстро огляделся. Шумная толпа осталась в стороне. Каким-то невероятным образом они оказались втроем приперты к стене в тихом углу, между помойкой и забором. С другой стороны, их было трое, крепких мужиков, и рэкетиров тоже трое. Поровну.

– Не суйся, – одними губами произнес старший товарищ, куда более опытный в переговорах. Для верности Паша Коваленко придержал Сергея за локоть.

В эту секунду лейтенант понял, что честной драки не предвидится. Эти трое, в дурацких пиджаках, нейлоновых тренировочных и шиповках, понятия не имели о честном поединке. Как пить дать, поблизости ошивались их дружки. С ножами, а то и чем похуже. Кроме того, северяне тащили каждый по две громадных сумки, бросить которые означало полное разорение...

– Сколько? – убито спросил прапорщик.

– А это мы посчитаем, – оживился вдруг третий бритоголовый и зачем-то затыкал пальцами в калькулятор. – Верно, мужчины, зачем вам проблемы? Заплатите пошлину, мы вам скажем пароль на сегодня, и никто вас тут не тронет...

Пароль потянул на месячную зарплату лейтенанта. Капитан Коваленко, как старший в тройке, заплатил за всех. После чего, не сговариваясь, горе-бизнесмены повернули обратно, на рынок, докупать товар на оставшиеся деньги...

– Это как повезет, – уже в поезде, откупоривая водку, откровенничал Паша. – Могли вообще все отнять, а могли на ментов нарваться. С теми будешь спорить – в «обезьянник» засунут и почки отобьют...

С бравым капитаном Сергей познакомился еще пока служил, в бильярдной Дома офицеров. За год до того Коваленко еще гордо носил майорские звезды. Но звезды отняли и лишили права ношения оружия. Дело было так. Свежим морозным утром Паша заступил дежурным по части. Прогуливался вдоль забора, встретил кого-то из крупных начальников, остановились поболтать. Россыпью алмазов лучился снег. Загадочно гудели в синеве провода. Прихотливым узором искрился иней на мотках колючей проволоки. В двухстах метрах двое узбеков, путаясь в шинелях, деловито перелезали через забор.

– Почему вы стоите, майор? – воскликнул пузатый собеседник. – Задержите их немедленно!

Паша оценил дистанцию, примерил на себя глубину снега. Если бы он бросился догонять, над сугробами торчала бы только шапка.

– Я что, больной, по снегу ползать? – спросил Коваленко и полез в кобуру.

Дважды пальнул в воздух, поверх голов. Солдатики залегли.

– Э-э, начальник, не стреляй, сдаемся!..

Вместо благодарности майора сняли с наряда. Он расстроился, принялся пить не только на дежурствах, но и после. Неожиданно Паши недосчитались на боевом посту. Вечером командир ехал с объекта на «уазике», заметил торчащие из канавы сапоги. Храпящего бесчувственного майора извлекли из сугроба. Собрался суд чести.

– Вы перешли всякие границы, – взял слово замполит. – Я вам уже восемь лет это повторяю...

– Я оступился! – твердил Коваленко.

– А кто затеял в пьяном виде перестрелку?

– А кто в нетрезвом виде на катере пирс пробил?

– А кто куриц по лесу раскидал?

Мнения на суде чести разделились. Наиболее ярые предлагали уволить без пенсии. Тогда поднялся Пашин руководитель, человек опытный и выпить также не дурак.

– Поступим, товарищи, как поступали славные офицеры русской армии, – веско произнес он. – В какую сторону лежал майор Коваленко, когда его нашли? Лицом к службе или ногами?

Собрание загалдело.

– Ведь что получается, страшную ошибку можем совершить! Боевой офицер, в тяжелом состоянии, так сказать, преодолевая себя... Он хотел, стремился выйти на дежурство. Ну, не дошел. Ну, не смог. Но пытался...

Настроение суда изменилось. Сам командир припомнил, якобы было что-то в Пашиной позе ползучее, целеустремленное. Постановили строгий выговор.

И этот вот человек, прошедший непростой воинский путь, одним из первых ринулся в сырую кооперацию. И поманил за собой других.

– Серега, далась те эта академия? – бурчал Паша, загоня очередной дуплет. – Вон, Семечныч, на что умный, три раза пытался. В Москве и без нас академиков, как собак... Семерка в угол... Смотри, лейтенант! Мы по пятнадцать лет без ротации тут гнием, и ты никуда не денешься. Забудь про столицу, там своих сынков хватает.

– Боевые офицеры «Адидасом» торгуют, – зло вставил второй игрок. – До чего дожили?! Вали отсюда, лейтенант, пока детишками не оброс.

– Братцы, – растерялся Сергей. – Как же без Академии, хочется в генералы...

– А те зачем?

– Как зачем? Проявить себя чтоб, достичь чтоб, не зря чтоб прожить...

– Серега, а может, это... шерше по фамам? Может, у ты с женой нескладухи, а?

– Я... нет. Я люблю ее.

– Ты, Серега, перспективу потерял. – Коваленко отечески похлопал по спине,дохнул перегаром. – Ты пузырьхвати и давай ко мне. «Адидас» перетрем и перспективу...

Глава 10 МЕЛАНЖ-АРТ

Случилось то, чего Настя никак не могла ожидать, даже в самом кошмарном сне. Ее едва не срезали на третьем туре. А ведь третий тур – это самое важное. Какое значение имеет письменный русский, количество диоптрий или даже удачная пантомима, если по основному предмету ты летишь, и летишь с треском, как громадная фанера над известным городом?

Гражданка Порываева, избалованная вниманием соседей и друзей, гордо выехала на своем стальном чуде перед матерыми цирковыми волками. Выкатилась, чтобы навсегда распрощаться с мечтой.

– Это что, велосипед? – с тихой брезгливостью спросил коротконосый экзаменатор, моментально погасив весь ее гонор.

– Ну, ничего, пусть покатается, – разрешил мужчина с седой львиной шевелюрой и протяжно зевнул в кулачок.

Некоторое время в девочке боролись два желания. Первым желанием было бросить все, немедленно удрать и кинуться в Днепр. Вторым, столь же рациональным желанием было поднять велосипед за седло и шмякнуть человека-льва по башке. Чтобы прекратил зевать.

Но она удержалась. Непостижимым образом сумела не заплакать.

– Какой у вас проходной? – спросил длинноносый профессор, после того как Настя откатала свое примитивное выступление. – Оценки за школьные экзамены какие?

– Обе пятерки.

– Хм... и сочинение? Вот как. – Длинноносый быстро переглянулся с коротконосым, затем они вместе посмотрели на женщину во главе парчового стола.

Абитуриентка дышала, как пробитый паровозный котел. Что забавно – ухитрилась не выронить ни один из своих волшебных предметов и только раз коснулась ногой земли, когда задирала переднее колесо, крутясь на заднем, маленьком. Настя на них так разозлилась, что почти не нервничала.

А может, они именно этого и добивались?

– Вам знакомо понятие «меланж-арт»? – осведомился «лев». – Нет? Это именно то, чем вы пытаетесь заниматься. «Меланж-арт» – это набор трюков из разных жанров, никак не связанных между собой. До второй мировой было несколько артистов, которым это блестяще удавалось. Но это были всесторонне талантливые люди. Я подчеркиваю – все-сто-рон-не! Если вы беретесь повторять чужие опыты, то хотя бы подражание доведите до совершенства...

– Позвольте, коллега, – вмешался коротконосый. – Согласитесь, прежде всего, мы видели неплохую фигурную езду...

– И попытки силовых трюков, – ядовито вставил «лев».

– А знаете, я сразу вспомнила Шабаева, – мечтательно перебила главная дама. – Ведь он первый, кажется, балансировал на лбу перш с партнершей и кружил при этом на велосипеде?

– Надо делать что-то одно, но на «отлично», – уперся мужчина с гривой. – Если нет эффектного жон-гляжа, то лучше его не добавлять... Девушка, кто с вами занимался?

Экзаменаторы продолжали спорить между собой. Казалось, они напрочь потеряли интерес к абитуриентке.

– Координация слабая...

– Уровень школьной самодеятельности...

– Допустим, вы правы. Допустим из этого что-то можно сделать, – тряс гривой «лев». – Скажем, копф-штейн при такой качке исключен...

– Скажем, для начала стоит посадить в седло парня, а не девушку, – ядовито заметила спортивного вида дама, задрапированная в пестрый платок. До того дама помалкивала. Но когда открыла рот, все притихли.

– Зинаида Аркадьевна, вы хотите сказать, что номер может быть принят как базовый? – спросила главная дама.

– Я хочу сказать, что не стоит забывать, где мы находимся. Это прием, а не выпускной, – сухо произнесла спортсменка в платке. – На мой взгляд, баланс в ручной стойке вполне возможен, и стойка в раскачке... но надо работать. А не рассуждать.

...Когда на стенде вывесили оценки по профилирующему предмету, Настя все равно не сомневалась, что там, по крайней мере, четверка. Но там красовался зловещий «тройк». Как приговор, как шмяк молотком по темечку, как крушение всех надежд.

Спас пресловутый «средний балл». Отличные оценки по школьным предметам и четверки в первых турах вытянули требуемое «очко». Двадцать один балл, знак судьбы, число удачи.

– Приняли! Приняли! Аааа! – Всю обратную дорогу тетки танцевали попури из клезмира, джиги и казацких плясок.

– Вот так, Порываевы – это вам не фунт изюма! – неизвестно кому грозил слегка нетрезвый папа.

– Дело слишком серьезное, чтобы в такой день работать! – постановил дядя Миша, запер гараж и принялся угощать всех проходящих изумительным самогоном.

– Ну... я все сделала, что могла... – туманно выразилась мама. Было непонятно, то ли она сделала все, чтобы преградить ребенку путь на арену, то ли наоборот.

Когда родичи побывали в общежитии, где дочери предстояло провести четыре года, энтузиазма у них поубавилось.

– Звонить ежедневно. Мыть руки до и после. Ни с кем особо тут! – категорически распоряжались взрослые Порываевы. – Посуду отдельно. Конспекты беречь, все записывать. Питаться горячим. На соседей мы еще посмотрим.

Соседями по этажу оказались люди замечательные. Не рассказать о них – значит, и на километр не приблизиться к истинной атмосфере заведения. Во-первых, с первого дня каждый занимался тем, что придумывал свой коронный номер. По коридорам день и ночь метались жонглеры, они подбрасывали все, что можно подбросить. В кухнях, помешивая жидкие бульоны, состязались эстрадники. Будущие клоуны беспощадно преследовали соседей даже в туалетах. В холле второго этажа среди ночи строили акробатическую пирамиду. С третьего этажа зимой и летом доносились душераздирающие стоны – это упражнялся духовой оркестр.

Любимый всеми фокусник непрерывно воровал и возвращал самые нужные предметы. Он не признавался, кто научил его так ловко извлекать кошельки из карманов, но соседи по этажу и так догадывались. С ростом мастерства объем похищенного возрастал. Стали исчезать полные бутылки и блюда с салатом, прямо во время вечеринок. Ненормальные эксцентрики и ребята из силового шоу на ходулях подкрадывались к окнам женских комнат второго этажа и делали ласковое «ку-ку»...

Скучно там не было. Ни дня.

– Эквилибристика... как вы это понимаете? – спортивная Зинаида Аркадьевна перемещалась по аудитории стремительно, успевать за ее мыслями могла лишь стенографистка со стажем. – Это цирковой жанр, исторически сложившаяся группа номеров, эстетически близких между собой... Порываева, что является главным в нашем жанре?

– А... эээ... равновесие!

– Однозначно. Пишем, пишем, чего вы уставились на меня? Главным признаком жанра является сохранение исполнителем равновесия при неустойчивом положении тела... Что я от вас хочу? – неистовая Зинаида куталась в платок, щелкала пальцами от переизбытка эмоций. Теория ее невероятно утомляла. – Я хочу, чтобы вы не отделяли цирк от жизни, от истории. Корни любого жанра родились из культовых обрядов, из ремесленных навыков... Все, чем мы

занимаемся, основная линейка номеров – имела когда-то прикладное значение. Порываева, перечислите нам основные жанры.

– Гимнастика, дрессура, эквилибр, иллюзия, клоунада, акробатика, жонглирование...

– Плохо. Забыли атлетику. – Зинаида всегда оценивала ответы студентов словом «плохо».

Особенно пристрастно она относилась к тем, кого ей пришлось «защищать» на вступительных. – Итак, идем дальше... В эквилибристике мы можем отметить более десяти жанровых разновидностей. В акробатике – их больше тридцати... Что вы уставились на меня? Писать не умеете?!

Часто говорят, что первый год учебы в любом заведении – полон кошмаров. Для Насти год пролетел легкой тенью, веером порхающих бабочек. Здесь не встречалось неинтересных занятий или неинтересных людей. Здесь встречалось множество людей больных, в лучшем смысле этого слова. Лекции читали мастера, которым в свое время рукоплескали Париж, Токио и Лондон. Со второго семестра начались мастер-классы, и пот полился рекой. Внезапно оказалось, что слабые стороны студентки Порываевой можно обернуть в сильные.

Ее внешняя фактура не вписывалась в рамки – и это было хорошо.

Ее наивная улыбка и чересчур открытая, оглушительно-открытая манера поведения уже не раздражали педагогов, потому что... потому что, как можно копить раздражение на тучи или на дождь? Это явление, против которого бесполезно восставать. Против явления под именем «Настя Порываева» восставать тоже оказалось бесполезно. Кому-то было трудно. Кто-то уставал, злился на себя, страдал от травм и неудач.

Настя наслаждалась своей новой семьей.

А потом ее нашел Марк.

Глава 11 МАРМЕЛАД ВАГОНАМИ

Бывший майор Коваленко раскачивался на табуретке и учил лейтенанта Кушко жизни. Паша размахивал вилкой с соленым груздем. В другой руке бравый кооператор цепко держал стакан. Лейтенант Кушко понуро ковырялся в стожке кислой капусты.

– Слушай сюда, – плевался Паша, – могу сдать тебе свои дела. Под меня менты давно копают, я валю домой. Две машины на «материк» отправил, хату купил, пора... Сможешь достать в Москве кассеты «соны»? Если нет, я тебе дам канал. Костика знаешь, прапора с вещевого склада? Познакомлю. За кассеты он даст тебе «афганку», форму новую. Форму можешь сливать прямо здесь или летчикам. Смотаем на мотоцикле, вечером... Смотри только, с железом не связывайся, сам на этом попал, потому и на крючке.

– С железом? – слегка протрезвел Сергей.

– Ну да. Никаких патронов и прочего. Когда они меня вычислили, я на лодке в озеро уплыл и патроны, и оба обреза утопил, от греха...

– Не буду я спирт продавать, подсудное дело, – уперся Кушко. – И форму ворованную продавать не буду. Ты не обижайся, дело не в моралиях. Просто не смогу. У меня рожа такая, как что схитрю – за версту видно.

– Да я не обижаюсь. – Собеседник опрокинул в себя очередную дозу. – Тогда вот что... давай с нами из Москвы товар гонять. Настоящий товар, шмотье всякое, шоколад там... Если в дело войдешь, нам больше скидку дадут. Да и спокойнее втроем.

Сергей представил, что скажет Лера, и поежился.

– Слушай, бабла насосешь, мигом шелковая станет! – непостижимым образом угадал его мысли майор.

Но бабло упорно не шло в руки.

После третьей ходки случился совсем уж гадкий инцидент. Сергею как раз показалось, что птица удачи застряла в кустах где-то неподалеку. Закупленные по дешевке просроченные польские консервы шли «на ура», и убогие картонные кроссовки, расплывшиеся по швам, кое-как распродались, и даже сдвинулись с мертвой точки проклятые сумки...

И тут пришла жена.

Явилась туда, куда по всем законам физики и политической географии являться ей никак не следовало, – прямо на стихийный рынок, бурно шумевший за зданием военторга.

– Так вот он где, – произнесла она голосом одновременно плаксивым и грозным. – А я поверила, что он только привез, сдал и не имеет с ними дел. А он с ними заодно...

В лучших традициях американских индейцев Валерия почему-то стала общаться с мужем в третьем лице. Не закончив фразу, она развернулась и гордо отчалила, оставив Сергея краснеть. Соседи по прилавку притихли, не зная, как реагировать. Вечером, вернувшись домой, Сергей с трудом выпросил прощение традиционным и прежде безотказным способом. Но даже после бурного интима проблема никуда не делась.

И он снова покатыл в Москву...

– Ну что, в добрый путь? – голосом Вицина просипел Паша Коваленко, когда друзья утрамбовали сумки и заперли двери купе. – Серега, наливай. Чо такой кислый?

– Мужики, не могу я больше. Не мое это...

– Не твое? – скривился бывший майор, деловито кромсая сало. – А что твое? Стенгазеты рисовать? Видал я – красиво у тебя выходит... Только газету на хлеб не намажешь.

– А может, на танцах с девками трястись – твое? – подмигнул бывший прапорщик. – Брось, все образуется. Россия не погибнет. Слышал новый анекдот? Встречаются двое «новых русских», таких, ха-ха, вроде нас... Один говорит – возьмешь у меня вагон мармелада? – За сколько? – да за сто миллионов? – Возьму, не вопрос. – Ну, я пошел искать мармелад...

– Да отстань ты со своим мармеладом, – не сдержался Сергей. – Мужики, заколебало меня у лотка стоять. Перед друзьями стыдно... и не получается ничего.

– Чего у тебя не получается? – удивились товарищи. – Ну, прогорели маленько со сливками, так это ж бизнес.

– Да не в сливках дело. – Сергей отодвинул водку. – Пятый раз еду, ноги стоптал, а должен денег еще больше, чем вначале. Ни хрена заработать не могу. Не мое это, не нравится столбцы эти писать, каждый рубль учитывать! Была тысяча на руках, а теперь и сотни нет, все вбито в барахло, никому не нужное...

– А ты как хотел? – Прапорщик извлек замусоленную тетрадь. – Мы ж вроде договорились. Вот поднакопим – откроем вместе видеосалон, как Ашот. Вон у него дела как идут, народ валом прет!

– Ага, и кино одно и то же! – хохотнул Коваленко. – «Греческую смоковницу» крутит, и больше ничего не надо. Мы тоже порнуху поставим, и привет. А потом второй салон откроем, магазин свой... Ты выпей, она, проклятая, завсегда поможет!

– Лучше я спать пойду, – вздохнул Кушко.

Но уснуть он не мог еще долго. Ворочался, считал полустанки, слушал пьяное бормотание соседей. Как будто чувствовал, что главная беда ждет впереди...

Беда не заставила себя ждать. Едва промерзший автобус зарулил на бензоколонку, как рядом притормозили две мятые «бомбы» – «БМВ». Из передней машины вылез невысокий щуплый мужичок с лицом грустного кенгуру. Компанию ему составили трое типов, которых сразу, не изучая документов, хотелось вернуть в тюрьму. Еще двое вышли из второй машины, но остались стоять на улице. Щуплый был одет в строгий простой костюм, он совсем не походил на мафиози.

– Плохо дело, – выругался Коваленко. – Слышал я, что пустые ведра на этой трассе начали продавать, но не гадал, что на автобус целый замахнутся...

– Это как, пустые ведра? – не понял Кушко.

– А так. Стопят фуру, когда за товаром идет, и водиле предлагают купить пустое ведро. Знают, что с деньгами едет. Не купишь – убьют...

Мужчина в строгом костюме тем временем о чем-то пообщался с водителем. Тот посерел, бросил заправочный шланг и пошел открывать двери. До этого, во избежание всеобщего окоченения, двери были заперты.

Дизель тоже не выключали, даже на время заправки, печки едва справлялись с осенней сыростью.

– Добрый день. – В клубах пара на переднюю площадку взобрался верзила со скошенным носом. – Тут такое дело, землячки... Короче, дорога теперь платная. Наши пацаны сели, надо выручать. Давайте скинемся по двести, и разбежались.

Ненадолго воцарилось молчание. Двести рублей до сих пор были месячной зарплатой, хотя на них становилось сложно что-то купить. Диспетчер на заправке старательно ничего не замечал. На соседней колонке шланги были завернуты, бензин не везли уже третий день. Заправлялись только дизеля, и те – по талонам. Ждать помощи было неоткуда.

– Я не пойму, вы грабите или побираетесь? – задал дерзкий вопрос парень из второго ряда.

– А, самый непонятливый? – угрожающе оскалился второй детина. – Пошли выйдем, я тебе быстро растолкую!

– До чего дожили! – тихонько пискнула бабуся с ведрами.

– А вы не знали? – быстро прошептал сосед справа. – Это уже которую неделю продолжается. В газете писали – у них перестрелка была, делят район...

– Чо, барыги, будем сами платить или как? – Третий мордоворот взобрался на ступеньку и заслонил собой выход.

Сергей быстро огляделся. Всего в автобусе сидело человек пятнадцать, из них – три женщины, та самая бабушка с пирамидой пустых ведер и тетки с китайскими сумками, типичные ларечницы. Тетки сжались в комок, другие пассажиры вели себя сообразно моменту. Одни лихорадочно прятали деньги, другие с огромным интересом смотрели в окно, третьи готовились платить.

– Братцы, наваяем им? – предложил сосед с заднего сиденья. – Я тех шакалов знаю, они живо очканут, если мы вместе будем. Молодняк, я вон с тем в спарринге был, ни хрена удар не держит...

Сергей узнал говорившего. Какое-то время назад вместе посещали зал. Кажется, парень был из гражданских промышленников и увлекался боксом.

– Я – «за», – произнес Кушко.

– Вы сдурели? У них – стволы, – прошептал сосед справа.

Бывшие боксеры тем временем уже деловито собирали деньги.

– Этот старший у них... знаешь кто? – проснулся вдруг бывший майор Коваленко. – Семенов его фамилия. Он вроде как все лесопилки в районе держит, и в Архангельске ему кабаки платят...

– Ты-то откуда знаешь? – удивился прапорщик.

Но ответить майор не успел. Спортсмен с заднего ряда легко оторвался от кресла, пролетел несколько метров и врезался в ближайшего налетчика. Бил непрофессионально, но очень сильно. Голова у бандита дернулась вверх, зубы лязгнули, и секунду спустя он распластался в грязном проходе.

– Не дам, хоть режьте, не дам! – Бабка с ведрами мигом осмелела.

Сергей выпрыгнул со своего места и напал на второго мордоворота. Тот успел развернуться и полез в карман. Худенький паренек, уже сдавший кровные двести рублей, неожиданно перехватил бандита за руку, мешая бить. Тот выматерился, локтем ударил парнишку в лицо, но отвести кулак Сергея уже не успел.

Кушко вложил в хук всю ненависть, накопленную за последние месяцы. Врезал так, что едва не выбил себе суставы, ободрал костяшки пальцев и сам не удержался на ногах. Бритоголовый со всего маху впечатался затылком в стекло. Он рухнул прямо на тетку с сумками, та завизжала и стала его отпихивать.

– Ах ты, гнида! – выматерился третий, до того карауливший выход. Он изобразил стойку карате и энергично взмахнул ногой.

Сергея заслонил дядька в потертой шубе, вскочивший с переднего кресла. Заслонил неудачно, от удара рифленой подошвой схватился за грудь, охнул и упал нашему герою на руки. Тем временем поднялся с пола бандит, опрокинутый спортсменом с заднего ряда. В кулаке его блеснул нож. Женщины завизжали.

– Вы что, сдурели? – крикнул кто-то. – Вы люди или звери?

– Держи его, держи!

Ножа Сергей не видел. Он еле спихнул с себя мужика в шубе и тут же получил удар под дых. К счастью, успел втянуть мышцы, и постоянные тренировки сделали свое дело – удержался на ногах. Несмотря на выставленный блок, дважды угостил противника в челюсть. Тот врезался затылком в стенку кабины и ненадолго отступил.

Парнишка сбоку, помешавший бандиту драться, держался за нос. Кровь текла у него между пальцев и даже забрызгала окно. Хмурые парни из второй «БМВ» побросали сигареты и ринулись на помощь своим. Их главарь, прищурившись, наблюдал за событиями, не делая попыток войти в автобус. Двое рабочих на заправке тянули шеи, спрятавшись в свою будку.

Спортсмен с заднего ряда оказался прав. Ему быстро удалось отправить парня с ножом в нокаут, на помощь подоспели военные, сообща подняли обмякшего налетчика и попытались выкинуть наружу. Но у них это не получилось, в автобус уже лезли сообщники избитого. Первым взбирался квадратный детина и на ходу вытаскивал пистолет. Его дружок полез прямо через спинки сидений.

Женщины снова завизжали. Бритый парень, которого Сергей саданул затылком в стекло, кое-как отделался от базарных теток, поднялся и накинулся на своего обидчика с тыла. Ощувив вокруг себя чьи-то руки, Сергей мотнул головой назад. Затылком угодил бандиту в нос, что-то хрустнуло, тот заорал. Кушко развернулся, занося кулак, и тут же получил пинок в ухо. Перед глазами заплясали искры. Дальше он видел происходящее кусками.

Шофер застыл изваянием, сжимая заправочный шланг. Из первой «БМВ» выскочил водитель, что-то быстро втолковывал главарю, кривя рот, и указывал на пустую дорогу. На заправку заезжал пустой лесовоз с прицепом. С другой стороны приближался военный «газик».

Сергея успел еще пару раз врезать в противную плосконосую морду, прежде чем его оттащили назад. Кажется, Паша Коваленко что-то кричал в звенящее ухо, рядом топтались, сопели, а потом зазвенело стекло, и заорали сразу в несколько глоток. Серега никак не мог понять, куда девался парень с пистолетом и почему вокруг все звенит, и кажется, будто провалился глубоко под воду...

Когда он немного очухался, в физиономию светили фары милицейской машины, кому-то рядом бинтовали руку, а Паша Коваленко на чем свет стоит клял родные власти, милицию, прокуратуру и всех вместе взятых.

– Это не то... – сказал человек в милицейской шапке. – Это так, баловство. Не стал бы Семенов такой ерундой заниматься. Это он, видать, кого-то проверить хотел. Кого-то из своих лбов натаскивал, в деле хотел поглядеть...

– Ничего себе баловство! – хором откликнулись пассажиры. Почему-то теперь все разом осмелели и накинулись на опоздавших стражей порядка. – Уже из дома не выйти?! Что творится в области? Вы же их знаете, разве так трудно пересажать?!

– А ты молоток, двоих завалил, – уважительно похвалил Сергея сержант, сидевший за рулем «УАЗа». – Если бы не ты, кто-то точно бы зажмурился...

– Кто? Я завалил?! – изумился бывший лейтенант.

– Ты, конечно, – поддакнул вездесущий Коваленко. – Ты того придурка со стволом вырубил. Другой тебя сзади бил, а ты навалился – и не выпускал. Что, не помнишь? Повязали гада, а те сбежали... Слышишь, его там... обрабатывают?

Сергей ничего не хотел слушать. Он хотел одного – оказаться дома, в горячей ванне...

Дома Валерия кинулась обнимать, затем отшатнулась и заплакала. Сергей сначала решил, что жена плачет из-за его разбитой физиономии.

– Милый, мне так плохо... уже давно. Мне кажется... – Она отвернулась, кривя лицо. – Мне кажется... ты меня больше не...

– Я люблю тебя. Люблю, – простонал он, растекаясь по ковру. – Пошло оно все к черту... как же мне надоело...

Беда одна не ходит. Во время заварухи пропала одна из сумок с товаром. Кто ее «приватизировал» – выяснить так и не удалось. Победа обернулась колоссальным убытком. Как Сергей и предполагал, товар из второй сумки тоже не желал продаваться. Мертвым грузом лежали никому не нужные вязанки китайской и турецкой продукции. Бедный коммерсант потихоньку впадал в ступор...

Неделю спустя на пороге появился тот самый щупленький мужчина с лицом грустного кенгуру. Лера открыла ему дверь, но закрыть бы уже не сумела. Мужчина что-то жевал. Он вошел один, но двое остались на лестнице. Сергей успел спросить себя, как эта тройка миновала два КПП и легко отыскала его в городке.

– Поговорить надо, – не прекращая жевать, сказал Семенов. – Да что же вы так напрягаетесь, девушка? Я вашему мужу работу хочу предложить.

– Ра... работу? – Сергей слегка расслабился, не переставая наблюдать за руками гостя. Впрочем, тот рук не прятал и на громилу вовсе не походил.

– Меня зовут Алексей Степанович, – культурно представился гость. – К сожалению, мы не успели познакомиться раньше. Помешали неприятные обстоятельства... н-да. Я должен извиниться, это была неудачная шутка. Хорошо, что никто серьезно не пострадал.

– Вы о чем? Кто не пострадал? – подозрительно спросила Валерия. – Сережа, ты мне ничего не рассказал?!

– Не о чем рассказывать, – пожал плечами Кушко. И мгновенно заметил, что заслужил в глазах гостя несколько очков.

– Я работаю в охране. Обеспечиваю безопасность многих кооперативов, – поделился гость. – Мне нужен исполнительный директор в... скажем так, в торговую сеть. Мне вас рекомендовали. Я навел справки. Как видите, и нашел вас легко. Да я и сам убежден... без рекомендаций, что вы и в торговле понимаете, и людей... сумеете построить. Для начала – пятьсот рублей, дальше посмотрим. Как вам мое предложение?

– Пять... сот? – еле выговорила Лера. Ее отец за четверть века исправной службы еле дорос до такого оклада. – А что ему за эти деньги придется делать?

– Быть директором. – Алексей Степанович изобразил улыбку, состоящую из дюжины стальных зубов. – Всего лишь быть директором.

Глава 12 ПРОДЮСЕР

Первое чувство не проходит, Марк.

Его можно загнать внутрь, как опасную африканскую инфекцию, загнать в кости, в пятки, в легкие. Первое чувство врывается воздушно-капельно, вползает тактильно, вгрызается неизлечимым червем.

Весь вопрос в иммунитете, Марк. К тридцати годам человек становится броненосцем. А в семнадцать лет броня еще мягкая и легко проминается при первом ударе.

Ты ударил наотмашь.

Я помню твои глаза. Они смотрели с неподдельным восхищением и обожанием. Ты тогда сумел выключить все свои счетчики. Ты настезь распахнул свои окна и двери, твое изумленное окружение слышало, как с хрустом отлетают изоляция, вата и замазка.

О, ты умеешь любить!

Выпускные экзамены в училище – сами по себе грандиозное событие, но я сознательно отвожу ему место в тени. Потому что все, происходившее после, было лишь легкой тенью нас с тобой.

Тебя и меня.

За неделю до выпускного экзамена по мастерству приезжал замечательный дядя Миша, ставший для нашей семьи почти родным. И дядя Миша вместе с механиками цирка снова и снова колдовал над моим фантастическим велосипедом. Они тысячу раз что-то обмеряли и выравнивали, смещали центр тяжести, меняли детали, ссорились над чертежами с красными бессонными глазами. Потом механики приглашали худрука на очередной мозговой штурм, а мне приходилось в тысячный раз повторять трюки, принаравливаясь к изменениям.

Никто из нас не был доволен.

Но хуже всего, Марк, что мой выпускной номер не понравился тебе.

– Миленькая девочка, – бросил ты кому-то на бегу, – но все это отвратительно. Это плоско, это неярко, это блекло. Извините, у меня звонок...

Существуют законы, которые нам не изменить. Они не жестоки и не злы, эти законы, они суровы и удобны всем, кто продал себя божеству арены. Каждый студент к окончанию учебы должен иметь готовый номер, с которым не стыдно предложить себя в цирковую труппу. Если ты почти четыре года подражал другим и не родил ничего нового – тебе нечего делать на арене. Век цирковых слишком короток...

– Да. Нет, – отрывисто бросал ты в трубку, и одна лишь эта угловатая сотовая трубка с выдвинутой космической антенной поднимала тебя на запретельную высоту. – Нет, если только акробаты на мачтах. Нет, ходули меня не интересуют. Да, всех благ.

...Это громадное, неуклюжее колесо со сверкающими спицами, с развевающимися лентами, с недосыгаемо высоким седлом – оно в третий раз стало моим пропуском в мир грез. Оно пропустило меня в Ялте, оно спасло меня при поступлении. Оно стало волшебным амулетом, без которого нельзя проскочить из одной вселенной в другую. Милейшая Зинаида Аркадьевна разбилась в лепешку, чтобы слепить из «дворовой самодеятельности» нечто достойное аплодисментов.

– Это позор, но позор красивый, – заключила преподавательница. – Настя, мы с тобой вывернемся, но заставим их страдать...

Имелось в виду – заставим трепетать зрительские сердца!

Номер осложнился балансировкой на наклонной проволоке, затем пришлось освоить стойку на руках, пришлось разделить седло с двумя мальчишками-силовиками. Впрочем, они

довольно скоро соскакивали, и я опять оставалась одна, наедине с летающими кинжалами и... самой страшной частью.

Описать словами это сложно. При первом взгляде со стороны на язык просилось слово «невозможно». Но настоящий цирк именно на таких эпитетах и держится! Сообща придумали сальто вперед, для эффектной концовки. Потом, после нескольких тысяч падений, когда я научилась въезжать по проволоке, укрепленной на сорокоградусном уклоне, мне завязали глаза.

Впрочем, завязанные глаза я подглядела в кино у какого-то зловещего факира. С ухмылкой дауна и повязкой на глазах он швырял ножи в прикованную к доскам блондинку. Белокурой партнерша извивалась, выгодно подчеркивая линию бедра. Ножи втыкались там, где положено. Зал послушно вздрагивал.

Наблюдая за моим номером, клиент должен был не просто изредка подпрыгивать, почесывая сонное брюшко. Он должен был непрерывно трястись, ронять мороженое на брюки и менять промокшие от пота носовые платки!..

Но тебе не понравилось.

– Кто этот парень... мужчина... такой... такой? – едва переведя дыхание после сальто, спросила я у сокурсниц.

– Вон тот, длинноволосый, весь в белом, красивый? – мечтательно подхватили девочки. – Это же Марк такой-то... председатель комиссии...

– По телику показывали – он получил орден... этот, как его... «Служение отечеству»... Он собирает цирк украинский, в Монте-Карло повезет... Он продюсер, он даже в Москве всех знает...

Какое мне было дело до Москвы?!

...Ты простишь меня, Марк, за то, что я не помню все поминутно, как киноплёнка? Народ клубился, источая счастливое безумие. Толчая, трезвое сумасшествие, возникающее только на выпускных экзаменах, когда хочется вцепиться в соседа, обнять всех и запрыгать.

– О, милая девочка, – сказал ты своим вальяжным приятелям из комиссии. А те сразу задвигались и закивали в ответ, как плюшевые болванчики на лобовом стекле. – Пластичная, да... гибкая. Есть что-то, что-то есть. Но сам номер...

Возможно, ты сказал не так, другими словами. Испорченный телефон времени сглаживает и обостряет, независимо от наших желаний. Но кое-что я знаю наверняка. Ты увидел восхитительный пластилин, податливый, фактурный материал, к которому так хочется приложить руки. Ты увидел теплое нечто на гончарном круге, готовое превратиться в очередной шедевр. Ты сразу отменил других, уже безысходно успешных, окостеневших в своих жанрах, нанизавшихся на твердые каркасы правил, застывших в правилах безопасности, в законах физики, в том, что мы называем «жестким стилем».

– Да. Нет. – Ты небрежно задвинул антенну и тряхнул локонами. – Хорошо, взглянем еще раз. Возможно, я не успел все как следует оценить...

В твои тридцать пять, Марк, иммунитет, как никогда, крепок. В мои восемнадцать – это нежный хитин, едва способный прикрыть обнаженное первое чувство.

– Настюха, ты ему понравилась! А-балдеть! Нет, вы видели, как он на нее смотрел?

– Да не смотрел он на меня!

– Дурочка, мы слышали! Он сказал, что ему Павлик нравится, из коверных... Еще эти, близнецы, и ты. Он у Зинаиды спрашивал – где та девочка с велосипедом?

– Он не мог спрашивать. Ему мой номер не понравился. И никому не понравился...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.